№ 42 — «Библіотека Русскаго Пролетарія» — № 42

М. БѢЛОРУССЪ.

РАБОЧІЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1904

Посвящается рабочей интеллигенціи.

Предисловіе

Предлагаемая читателю брошюра — обработанный рефератъ, прочитанный мною въ Женевѣ въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года.

Сдѣланныя на рефератѣ возраженія еще болѣе меня убѣдили въ вѣрности, высказаннаго мною. Почти всѣ мои оппоненты съ перваго до послѣдняго силились доказать, что антагонизма между интеллигенціей и рабочими нѣтъ, что это лишь плодъ недоразумѣнія, «происковъ демагоговъ», плодъ взаимнаго непониманія, разладъ между «болѣе интеллигентными и менѣе интеллигентными людьми», что не существуетъ антагонизма, а существуетъ расколъ, разладъ. Вообще было много «возраженій», никого, начиная съ самихъ оппонентовъ, ни въ чемъ не убѣждающихъ и ничего не доказывающихъ, — словомъ, возраженій, которыя такъ часто приходится въ подобныхъ случаяхъ выслушивать рабочимъ отъ многихъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ интеллигентовъ.

Я болѣе, чѣмъ увѣренъ, что лишь очень немногихъ изъ присутствовавшихъ на моемъ рефератѣ, даже изъ числа тѣхъ, которые искренно хотятъ служить пролетарскимъ интересамъ, эти «возраженія» заставятъ серьозно задуматься надъ пожеланіемъ Адлера, взятымъ мною эпиграфомъ, пожеланіемъ видѣть представителями пролетаріата пролетаріевъ же. Но вѣдь уже сдѣлалось

трюизмомъ, «что каждый думаетъ не такъ какъ ему *хочется*, а какъ онъ *долженъ* думать».

Для сознательнаго же читателя изъ пролетаріевъ высказанныя въ этой брошюрѣ мысли совсѣмъ не новооткрытая Америка, а давнымъ давно извѣстное, продуманное и глубоко прочувствованное. Моя брошюра только ему напомнитъ, что слова Адлера пора сдѣлать кличемъ рабочей интеллигенціи, пора провести ихъ въ жизнь.

Рабочіе и интеллигенція

«Чѣмъ болѣе развивается классовое сознаніе пролетаріата, тѣмъ меньше онъ способенъ выносить надъ собой какую бы то ни было диктатуру, въ томъ числѣ диктатуру ради его собственной пользы, диктатуру, къ которой какъ то инстинктивно стремятся многіе интеллигенты вожаки. «Въ томъ то и проклятіе диктатуры», — говоритъ по поводу Швейцера извѣстный историкъ нѣмецкой соціалдемократіи Мерингъ, — «что диктаторъ никогда не можетъ сообразить, когда его диктатура начинаетъ становиться излишней».

«Въ томъ то и проклятіе диктатуры, — сказалъ бы я, — что она всегда излишня».

(В. А. Поссе. «Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ», I вып., стр. 35.)

«Одного вамъ желаю — скораго приближенія того времени, когда во главѣ вашей рабочей партіи будутъ стоять не студенты, а сами рабочіе», пожеланіе, высказанное Плеханову Адлеромъ, представителемъ австрійской соціалдемократической рабочей партіи.

Вопросъ, который я хочу затронуть въ этой брошюрѣ, вопросъ совсѣмъ не новый. О немъ, хотя очень мало говорилось въ нашей печати, но онъ давалъ себя чувствовать почти вездѣ, гдѣ имѣлись въ наличности революціонныя рабочія организаціи. То тамъ, то здѣсь антагонизмъ этотъ приводилъ къ расколу единой организаціи на двѣ или нѣсколько частей, то тамъ то здѣсь онъ являлся тормазомъ для нашей дѣятельности. Обойти молчаніемъ этотъ вопросъ нельзя. На каждомъ шагу практической дѣятельности приходится волей-неволей на него наталкиваться. И если наша лите-

ратура удѣляла этому вопросу очень мало мѣста, то это объясняется лишь тѣмъ, что наша революціонная печать, къ сожалѣнію, очень слабо отражаетъ мысли и думы интеллигентной части рабочихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ расходятся съ мыслями и думами главарей, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ незаконную претензію быть «вождями» россійскихъ пролетаріевъ.

Чтобы понять этотъ антагонизмъ, необходимо остановиться на той области нашей дѣятельности, гдѣ онъ особенно рельефно проявляется и сильно даетъ себя чувствовать. Этой областью являются наши организаціи, гдѣ давно уже ведется борьба между интеллигентными рабочими и интеллигенціей за право участія въ руководящихъ учрежденіяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она раньше началась, въ другихъ позже, это зависѣло во-первыхъ отъ размѣровъ, какіе принимало движеніе, а во вторыхъ отъ наличности интеллигентныхъ представителей изъ рабочей среды, — но фактъ, что почти каждая организація переживала этотъ фазисъ въ своемъ развитіи.

Въ послѣднее время борьба эта приняла особенно острый характеръ. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Петербургѣ и во многихъ другихъ городахъ рабочіе откалываются отъ комитетовъ и создаютъ свои самостоятельныя организаціи. Почти всѣ организаціи одинаково мотивируютъ свое отдѣленіе отъ комитета.

Петербургскіе рабочіе поставили эпиграфомъ къ опубликованнымъ своимъ резолюціямъ и письму «что намъ болѣе всего нужно» *) извѣстныя слова изъ Устава Международнаго Товарищества Рабочихъ, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», и, исходя изъ этого положенія, они говорятъ: «мы требуемъ самодѣятельности рабочихъ», мы протестуемъ противъ теперешнихъ отношеній интеллигенціи къ намъ, такъ какъ «намъ не няньки нужны, не командиры, а товарищи, которые бы смотрѣли на насъ, какъ на равныхъ и учили бы всему».

Письмо это такъ ясно и дѣльно выражаетъ отношеніе лучшей части интеллигентныхъ рабочихъ къ вопросу, поставленному мною темой настоящей брошюры, что, надѣюсь, читатель на меня не посѣтуетъ за приведеніе этого письма почти полностью:

*) См. брошюру Надеждина «Рабочіе и Интеллигенція».

Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

«Уже давно сказаны эти слова, а, между тѣмъ, до сихъ поръ ихъ мало понимаютъ. У насъ до сихъ поръ, какъ разъѣхались интеллигенты на дачу, такъ и революція съ ними, должно быть, туда же уѣзжаетъ на отдыхъ. Такъ не можетъ болѣе продолжаться. Пока мы *сами* не возьмемся за дѣло до тѣхъ поръ и не будетъ у насъ настоящаго *рабочаго* движенія, которое бы существовало безъ перерыва круглый годъ. Намъ нужно самимъ дѣлать все. Нужно самимъ устраивать организаціи, вырабатывать уставъ, писать листки издавать газету, печатать. А то у насъ по большей части всѣмъ дѣломъ орудуютъ интеллигенты, изъ которыхъ многіе и жизнь то нашу рабочую очень плохо знаютъ, и душу то нашу, должно быть, изучили лишь по Марксу. Дѣло у нихъ — по правдѣ сказать — плохо клеится. А самый большой грѣхъ ихъ въ томъ, что они не заботятся о нашей самодѣятельности очень немногіе изъ нихъ стремятся къ этому и стараются научить рабочихъ вести дѣло самостоятельно.

А есть еще и такіе, которые не только не помогаютъ развитію въ насъ самодѣятельности, а еще даже — не въ обиду будь имъ сказано — становятся ей поперекъ дороги. Въ комитетѣ сидятъ одни интеллигенты и какъ они тамъ рѣшаютъ дѣла — мы не видимъ и не слышимъ. «Комитетъ такъ рѣшилъ» — а почему не извѣстно. Попросишь объясненія — тебѣ толкомъ не разъяснятъ, да и выслушаютъ такую просьбу неохотно. А намъ нужно самимъ все знать и все дѣлать. Намъ не няньки нужны, не командиры, а товарищи, которые бы смотрѣли на насъ, какъ на равныхъ и учили бы всему.

Рабочій комитетъ у насъ имѣетъ мало самостоятельности. Интеллигентный комитетъ почти всѣ дѣла рѣшаетъ по своему. Выходитъ, что онъ изображаетъ «палату лордовъ», а рабочій комитетъ — «палату общинъ». Интеллигенты боятся, какъ бы мы не оказались «экономистами» — и выходитъ, что они совсѣмъ не знаютъ рабочаго. Рабочій то, пожалуй, скорѣе дѣ-

лается соціалистомъ, (не на словахъ, а на дѣлѣ), чѣмъ интеллигентъ, и въ дѣло онъ вкладываетъ всю душу. Мы очень хорошо понимаемъ, что намъ нужна политическая свобода — и не обрѣзанная, а вся полностью, *мы хотимъ бороться за измѣненіе всего строя, за соціализмъ*. Но если наше рабочее движеніе будетъ лишено самостоятельности, то оно не разовьется, и вмѣсто сознательной борьбы, вмѣсто *рабочей революціи* выйдетъ *слѣпое возстаніе*, (курсивъ въ письмѣ вездѣ мой. Б.) которое принесетъ болѣе всего выгодъ одной буржуазіи, какъ это и случилось въ другихъ государствахъ.

Говорятъ, что комитетъ долженъ быть централистическимъ, всѣ дѣла вершить по своему усмотрѣнію. Пустяки! Какъ можно вносить царизмъ въ дѣло свободы? Значитъ, на дѣлѣ вы оказываетесь плохими соціалистами, если такъ думаете. Гдѣ нѣтъ самостоятельности, тамъ никогда не восторжествуетъ свобода!

Товарищи! Надо самимъ взяться за умъ; тѣмъ интеллигентамъ, которые пойдутъ съ нами товарищески, рука объ руку — тѣмъ добро пожаловать! А тѣмъ, что смотрятъ на насъ сверху внизъ, совѣтуемъ лучше приписаться къ буржуазіи, чтобъ не было потомъ лишнихъ хлопотъ.

Наши организаціи еще слабы, а онѣ — уже сила. Всѣ враги рабочаго класса боятся ихъ. Поэтому, надо стараться укрѣпить существующія организаціи, завести новыя, гдѣ еще нѣтъ, и стараться связать ихъ въ одну рабочую партію...

Стряхнемъ, товарищи, съ себя неподвижность. Дѣло наше большое и застоя не выноситъ. Каждый потерянный день много значитъ. Пора намъ, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло!».

С.-Петербургъ. Іюль 1902 г.

То-же самое я слыхалъ на рабочихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ, Харьковѣ, на это же указывала и кіевская организація «Рабочая Воля» въ своей газетѣ. Антагонизмъ этотъ свойственъ не только испорченнымъ петербургскимъ рабочимъ, старающихся «помощью всякаго рода демагогическихъ средствъ вызвать смуту въ С-Петербургѣ, чтобы затормозить дѣло Комитета», какъ смѣло по обыкновенію своему заявляетъ объ этомъ «Искра» въ № 30 въ статьѣ «Борьба направленій — пожива демагогамъ». Въ Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ и во многихъ другихъ городахъ онъ не вызванъ тѣми, «*кто по своимъ партійнымъ интересамъ* (курс. «Искры») не можетъ видѣть въ каждомъ шагѣ на пути къ революціонному объединенію партіи ущербъ для своего собственнаго дѣла». На это, пожалуй, мнѣ могутъ возразить, что еще вопросъ спорный, не принадлежатъ ли вожаки этихъ «рабочихъ организацій» къ тому типу субъектовъ, которыхъ такъ кратко и сильно охарактеризировала «Искра» въ вышеприведенныхъ строкахъ.

Но если это такъ, господа, если антагонизмъ рабочихъ къ интеллигенціи *) раздуваютъ какіе то мелкіе эгоисты, видящіе въ каждомъ успѣшномъ революціонномъ шагѣ ущербъ для своего личнаго дѣла, то намъ (разумѣется, соціалистамъ) придется констатировать очень печальный фактъ, — всю нашу рабочую интеллигенцію причислить къ такого-то рода господамъ, такъ какъ большинство ея — это всѣмъ извѣстно, даже тѣмъ, кому это непріятно, потому и не желательно знать, — крайне плохо относится къ интеллигенціи. Нѣтъ, этого никто, кто только знаетъ рабочую интеллигенцію и любитъ рабочее дѣло, не посмѣетъ сказать. Причины этого антагонизма глубже лежатъ поверхностныхъ, въ пылу Юпитерскаго гнѣва, брошенныхъ строкъ «партійной» «Искры». Антагонизмъ, существующій какъ общее явленіе въ нашихъ организаціяхъ, долженъ обусловливаться болѣе глубокими причинами.

Конечно, съ этимъ не согласны мои оппоненты. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, объяснялъ этотъ антагонизмъ очень просто и весьма остроумно. Указывая, что послѣдняго въ дѣйствительности нѣтъ, что онъ существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ дема..., т. е. личностей, что все это только — разладъ», глубокомысленный оппонентъ изъ интеллигентныхъ интеллигентовъ дѣлаетъ такой выводъ: все это ни болѣе ни менѣе, какъ взаимное непониманіе и разладъ

*) Такого же рода антагонизма не чужды и западно-европейскіе пролетаріи, по словамъ хорошо знающихъ рабочее движеніе на Западѣ.

между болѣе интеллигентными и менѣе интеллигентными людьми». Кость бѣлая, кость черная, другъ друга какъ имъ тутъ понять! Другой, выказывающій «надежды» неинтеллигентный интеллигентъ, силясь доказать вздорность этого антагонизма, будто бы существующаго у сознательныхъ рабочихъ по отношенію къ интеллигенціи, между прочимъ, не стѣсняясь смѣло (онъ искровецъ!) заявляетъ, что всѣ эти «самостоятельныя рабочія организаціи» — мифъ, что они являются результатомъ происковъ нѣкоторыхъ интеллигентовъ — демагоговъ, «такъ какъ рабочіе сами даже прокламацію самостоятельно не напишутъ».

Противъ такихъ возраженій я могъ только отвѣтить цитатами изъ книжки Плеханова «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», гдѣ оказывается, что между членами Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза были люди, которые и по *знаніямъ*, и по энергіи, и по опытности могли поспорить съ любымъ «интеллигентомъ». Таковъ былъ, напримѣръ, Степанъ Халтуринъ» *). «Между петербургскими рабочими были люди не менѣе его знавшіе и способные, были люди больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе за границей».

И это, господа оппоненты, было больше двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда ростъ рабочаго движенія ограничивался отдѣльными слоями рабочихъ и то только отдѣльныхъ городовъ. Оказывается, что «тогда уже возникла мысль у рабочихъ объ изданіи рабочей газеты, о созданіи органа русскихъ рабочихъ». Мы находимъ въ цитируемой брошюрѣ Плеханова, что рабочіе того времени — эти «природные трэдъ-уніонисты» безъ помощи интеллигентовъ «выставили въ своей программѣ *требованіе политической свободы раньше, чѣмъ въ программѣ интеллигенціи*».

Оказывается, что эти «мало интеллигентные люди» Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза «не думали ограничивать поле своей дѣятельности однимъ Петербургомъ»... «Идеаломъ вожаковъ Союза была единая и и стройная всероссійская рабочая организація». Да, это фактъ — и не знать его людямъ, считающимъ себя представителями революціоннаго пролетаріата,

*) «Русск. Раб. въ рев. движ.» стр. 53—55.

должно быть очень стыдно. Но еще болѣе чѣмъ стыдно, когда это говорится о современномъ нашемъ рабочемъ движеніи, возмутительно, не замѣчать того, что уже успѣли замѣтить наши враги. Въ № 18 «Освобожденія» разсказывается о состоявшемся въ Петербургѣ совѣщаніи между г. Витте и рабочими, о которомъ на разные лады писалось и въ русской легальной печати. «Говорятъ, депутаты были довольно удачные; они закидали министра чисто марксистскими аргументами и доказывали, что имъ нужны только двѣ вещи: восьми часовой рабочій день и свободное пользованіе всѣми просвѣтительными учрежденіями (библіотеками, читальнями и т. д.) По уходѣ рабочихъ министръ освѣдомился у фабричныхъ инспекторовъ, присутствовавшихъ при собесѣдованіи: «что это, очевидно, передовые избранные люди изъ рабочихъ?» А одинъ изъ инспекторовъ, будто бы отвѣчалъ: «О, нѣтъ, это далеко не исключенія, есть и гораздо болѣе образованные среди нихъ».

Если приведенное сообщеніе невѣрно, если даже это анекдотъ, то во всякомъ случаѣ весьма характерный. Да, нѣкоторые наши враги лучшаго о насъ мнѣнія, чѣмъ многіе изъ нашихъ «болѣе интеллигентныхъ» друзей. Право, приходится только сказать: освободите насъ отъ «друзей», а съ врагами мы уже сами справимся.

Надеждинъ въ своей брошюрѣ «Рабочіе и интеллигенція», посвященной выясненію этого вопроса, говоритъ, что виною этому печальному явленію интеллигенція, которая «въ своей массѣ мало сознательна, еще менѣе вдумчива и совсѣмъ небогата самостоятельностью мысли», а потому онъ совѣтуетъ рабочимъ взять на себя роль воспитателей этой интеллигенціи. «Это не будетъ, — говорится на 29 стр. упомянутой брошюры, — съ вашей стороны шагомъ назадъ, — рабочій, берущій на себя задачу перевоспитанія интеллигенціи шагаетъ не назадъ, а впередъ!»... «И это благородная задача, это насущная даже не знаю съ чѣмъ сравнимая задача!» Тогда значитъ интеллигентнымъ рабочимъ не придется говорить, что съ отъѣздомъ интеллигенціи на дачи «туда же уѣзжаетъ и революція, потому что революція перестанетъ переселяться на отдыхъ въ Парголово, на Черную рѣчку,

въ Саратовскій Сердобскъ....», тогда и только тогда интеллигенція задумается о самодѣятельности рабочихъ и вмѣсто «командировъ и нянекъ» по отношенію къ рабочимъ-революціонерамъ, она станетъ на нихъ смотрѣть, какъ на равныхъ товарищей.

Согласитесь, что совѣтъ совсѣмъ простой. Интеллигенція у насъ плохая, въ массѣ мало сознательная и въ нравственномъ отношеніи очень слабая, а потому намъ рабочимъ слѣдуетъ на время отложить свои дѣла и заняться ея перевоспитаніемъ, имѣя въ виду, что вѣдь съ послѣднимъ связывается допущеніе самодѣятельности рабочихъ, уничтоженіе «сословныхъ» предразсудковъ въ отношеніяхъ интеллигенціи къ рабочимъ, уничтоженіе «взаимнаго непониманія» и еще много тому подобныхъ благъ для пролетаріевъ.

Предположимъ, что совѣтъ Надеждина цѣнный, допустимъ далѣе, что рабочіе, понявъ всю его цѣлесообразность сейчасъ же примутся за перевоспитаніе интеллигенціи въ желательномъ для себя направленіи, но въ какомъ смѣшномъ положеніи окажутся «воспитатели», если объектъ ихъ воздѣйствія — интеллигенція оттолкнетъ столь благородное ихъ стремленіе, столь же благороднымъ «прочь дураки»,—мы къ вамъ пришли воспитывать и учить васъ, но сами не нуждаемся въ вашемъ воспитаніи». А такой отвѣтъ былъ бы весьма основателенъ. Интеллигентные рабочіе ужъ не такъ глупы, чтобъ этого не понять. Смотрите, что говорятъ даже такіе бунтовщики, какъ «сѣющіе смуту» петербургскіе рабочіе въ приведенномъ выше письмѣ. Имъ и на умъ не приходитъ заняться «благородною задачею» перевоспитанія интеллигенціи, напротивъ, они говорятъ, «что намъ не няньки, не командиры нужны, а товарищи, *которые бы насъ учили всему*».

Итакъ, рабочіе далеки отъ того, чтобы предъявлять интеллигенціи претензіи на роль воспитателей, какъ бы послѣдняя ни была «благородна» и прогрессивна, и, само собой разумѣется, что надеждинскій совѣтъ не можетъ быть ими принятъ. Совѣтъ безусловно неудачный и ошибочный. Но человѣкъ — не богъ, ему свойственно ошибаться. Послушаемъ Надеждина дальше, быть можетъ, онъ скажетъ по этому поводу что-нибудь болѣе суразное.

Говоря далѣе объ упомянутомъ эпиграфѣ, помѣщенномъ къ письму и резолюціямъ петербургскихъ рабочихъ, Надеждинъ обвиняетъ послѣднихъ въ слабомъ пониманіи словъ великаго учителя: «дѣло рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ же рабочихъ». Исходитъ же это обвиненіе изъ предпосылки фактически невѣрной. Онъ говоритъ, что петербургскими рабочими понимаются эти слова своеобразно; что Марксъ, сказавъ ихъ, имѣлъ въ виду только то, что интересы рабочихъ, какъ класса производителей, совершенно противоположны интересамъ классовъ, живущихъ его прибавочной стоимостью, а потому они не могутъ надѣяться на другіе классы современнаго общества, какъ на помощниковъ въ борьбѣ за свое освобожденіе; не могутъ они также надѣяться и на правительства буржуазнаго государства, такъ какъ всякое правительство классового общества будетъ всегда выразителемъ интересовъ господствующихъ классовъ, ихъ «комитетомъ», но онъ не имѣлъ въ виду тѣхъ *отдѣльныхъ личностей*, которые, какъ иногда это случается, отказываюся отъ своего привиллегированнаго положенія и переходятъ всецѣло на сторону пролетаріата, «эти слова вовсе не относятся къ той революціонно-соціалистической интеллигенціи, которая борется въ рабочихъ рядахъ».*) Совершенно вѣрно! Со всѣмъ этимъ соціалистъ-пролетарій не можетъ не согласиться. Но прежде всего нужно было доказать, что этого не понимаютъ наши петербургскіе товарищи. А этого доказать нельзя, по той простой причинѣ, что въ документахъ, которые помѣстилъ въ своей брошюрѣ Надеждинъ, дается очень ясный, очищенный отъ всякаго тумана, отвѣтъ, какъ понимается этотъ лозунгъ петербургскими рабочими.

Второй изъ документовъ Петербургской Рабочей Организаціи, который мы считаемъ необходимымъ привести, начинается опять-таки словами:

> Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. (Уставъ Интернаціонала).

«Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха рабочей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы нахо-

*) «Рабочіе и Интеллигенція», стр. 9.

димъ, что отнынѣ *Рабочая Организація* во главѣ съ своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы — и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ.

Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы ограничимся пока слѣдующимъ. По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціалдемократы; мы стремимся подготовить рабочій классъ къ *соціальной революціи*. Ближайшею цѣлью мы считаемъ завоеваніе *политической свободы* съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми плодами своей побѣды и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ *всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго, избирательнаго права* и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи.

Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильныя содѣйствіе и помощь, особенно цѣнныя теперь, когда приходится исправлять недостатки прошлаго. Всякія заявленія, рукописи, книги, деньги и проч. просимъ направлять непосредственно для *Рабочей Организаціи* и требовать отчета за подписью ея Комитета.

Петербургъ, октябрь 1902 г.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

Я прошу читателя обратить вниманіе на этотъ документъ и дать должную оцѣнку всѣмъ обвиненіямъ, которыя какъ изъ рога изобилія сыплются на рабочія организаціи изъ устъ ихъ «друзей» и недруговъ, а пока спросимъ Надеждина, гдѣ онъ вычиталъ, что петербугскіе рабочіе не понимаютъ великаго лозунга международнаго пролетаріата? Приведенный только что документъ оканчивается призывомъ ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу Петербургской Рабочей Организаціи за содѣйствіемъ и помощью. Обращеніе ко «всѣмъ», а не только къ однимъ рабочимъ, показываетъ, что Рабочая Организація увѣрена въ существованіи такихъ сочувствующихъ внѣ класса пролетаріевъ. Еще болѣе ясно говорится объ этомъ въ извѣстномъ уже намъ письмѣ тѣхъ же петербургскихъ рабочихъ. «Товарищи, — говорится тамъ — надо самимъ взяться за умъ; тѣмъ интеллигентамъ, которые пойдутъ съ нами по товарищески, рука объ руку — тѣмъ добро пожаловать! Тѣмъ же, что смотрятъ на насъ сверху внизъ — совѣтуемъ лучше приписаться къ буржуазіи, чтобъ не было лишнихъ хлопотъ». Изъ этого очень ясно видно, что рабочіе не противъ всей интеллигенціи *поголовно*, они совсѣмъ не говорятъ, что въ ней не нуждаются или что она для нихъ вредна. Нѣтъ, они лишь противъ извѣстной части интеллигенціи, у которой ничего общаго съ *соціализмомъ* нѣтъ, и которой они совѣтуютъ «заранѣе приписаться къ буржуазіи, чтобы потомъ не было лишнихъ хлопотъ». А что такая интеллигенція у насъ имѣется и что не малую роль она играла и продолжаетъ играть въ рабочемъ движеніи, — это фактъ неоспоримый и о немъ мнѣ придется говорить ниже, пока же подчеркну одно весьма характерное мѣсто изъ письма петербургскихъ рабочихъ, чтобъ читателю легче было уяснить себѣ ихъ точку зрѣнія. «*Если*, — говорится въ письмѣ, — *наше рабочее движеніе будетъ лишено самостоятельности, то оно не разовьется и вмѣсто сознательной борьбы, вмѣсто рабочей революціи выйдетъ слѣпое возстаніе, которое принесетъ болѣе всего выгодъ одной буржуазіи, какъ это случилось въ другихъ государствахъ*». Нужно, дѣйствительно, обладать глухотою, слѣпотою и неспособностью логически мыслить, чтобы послѣ всего сказаннаго придти къ заключенію, что авторы этого письма не понимаютъ словъ: дѣло рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

Все это говорилъ Надеждинъ въ своей брошюрѣ «Рабочіе и Интеллигенція», но спустя нѣкоторое время послѣ ея появленія вышла въ свѣтъ другая его брошюра «Положеніе вынуждаетъ» въ отвѣтъ на знаменитую, нѣсколько разъ мною цитированную, статью «Искры» «Борьба направленій — пожива демагогамъ». Въ этой брошюрѣ онъ очень ясно и толково разъясняетъ «Искрѣ» какъ причины, подготовившія расколъ въ Петербургѣ, такъ и точку зрѣнія петербургскихъ рабочихъ. Здѣсь рабочіе уже понимаютъ и слова Маркса и то, чего они хотятъ. Взглядъ свой на этотъ вопросъ

Надеждинъ, какъ видите, перемѣнилъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Правда, нужно считаться съ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ антагонизмъ между интеллигенціей и рабочими приводилъ къ тому, что у многихъ малосознательныхъ товарищей являлась мысль о совершенномъ недопущеніи интеллигенціи въ свои организаціи; интеллигентные же рабочіе отлично понимаютъ, что такое отношеніе ко всей интеллигенціи *поголовно* пристрастное и весьма нежелательное. Они хорошо знаютъ, какую роль играетъ интеллигенція въ рабочемъ движеніи; знаютъ, что въ Западной Европѣ, гдѣ пролетаріатъ въ цѣломъ по своему развитію стоитъ неизмѣримо выше русскаго, что даже тамъ интеллигенція занимаетъ почетное мѣсто въ борьбѣ рабочаго класса, небезызвѣстно имъ и то, что выдающіеся теоретики пролетарскаго соціализма — выходцы изъ буржуазіи, но они не забываютъ и того, что пролетаріатъ какъ классъ не можетъ возлагать большихъ надеждъ на этихъ единичныхъ личностей, приходящихъ къ нему изъ привиллегированныхъ классовъ. Какъ ни желательны онѣ (эти отдѣльныя личности) для пролетаріатскаго движенія, но ихъ всегда будетъ незначительное число и тѣмъ ихъ меньше, прибавлю я курсивомъ, *чѣмъ острѣе становится классовой характеръ борьбы пролетаріата.* Онѣ рѣдки, какъ рѣдки бѣлые вороны, — по мѣткому выраженію Бебеля, — надъ которымъ (выраженіемъ), кстати сказать, иронизируютъ «интеллигенты». Наше движеніе только тогда сдѣлается пролетаріатскимъ, когда во главѣ его станутъ пролетаріи. «Не такъ важно, — говоритъ В. П. въ Иностранномъ Обозрѣніи пятой книжки «Жизни», — сколько вожаковъ у того или другого національнаго рабочаго движенія, а *кто эти вожаки*, т. е. рабочіе ли по своей профессіи или нѣтъ?» И проведя параллель между англійскимъ рабочимъ движеніемъ, (на которое такъ часто нашими соціалистами отъ «Искры», правовѣрными марксистами, какъ они себя называютъ. указывается какъ на примѣръ, во что можетъ вылиться наше пролетаріатское движеніе, если у насъ, упаси богъ, не будетъ существовать «организаціи революціонеровъ», т. е. интеллигентовъ), проведя — говорю я — паралелль между англійскимъ, «впавшимъ въ буржуазность,» рабочимъ движеніемъ и итальянскимъ, онъ продолжаетъ: «обратите вниманіе, что всѣ эти Уорды, Квельчы, Секстоны и др., что эти сотни, если не тысячи вождей — рабочіе (фабричные, заводскіе, доковые и т. д.) или были таковыми. Въ этомъ отношеніи англійское рабочее движеніе до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, и не подлежитъ сомнѣнію, что англійскій пролетаріатъ вскорѣ избавиться отъ боязни обобщеній и сдѣлается истинно соціалистическимъ.

По сравненію съ англійскимъ итальянское рабочее движеніе по внѣшнимъ проявленіямъ неизмѣримо соціалистичнѣе и революціоннѣе, но къ основательности и стойкости его приходится относиться съ извѣстной осторожностью, такъ какъ *главные вожди его, по своему соціальному положенію, слишкомъ далеки отъ рабочей массы*». Такъ думаетъ незначительная часть интеллигенціи, такъ думаютъ и интеллигентные рабочіе.

А къ такимъ интеллигентнымъ рабочимъ безспорно принадлежатъ авторы упомянутыхъ документовъ. Конечно, интеллигентныхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, рабочихъ очень мало, сравнительно съ размѣмѣромъ, которое приняло въ послѣднее время наше движеніе. И вотъ почему чисто санкюлотское отношеніе къ интеллигенціи, которое мы замѣчаемъ теперь въ массахъ рабочихъ, стоящихъ болѣе или менѣе близко къ комитетамъ, можетъ принять очень серіозный характеръ, если только мы не очистимъ наши организаціи отъ тѣхъ неурядицъ, которыя въ большинствѣ случаевъ бываютъ одной изъ главныхъ причинъ, порождающихъ этотъ антагонизмъ.

Найдется много «доброжелателей» рабочихъ, которые будутъ пользоваться антагонизмомъ для своихъ темныхъ дѣлъ. Починъ въ использованіи этого антагонизма въ направленіи къ темнымъ дѣламъ принадлежитъ зубатовцамъ и смотрите, какъ по своему умѣло они играютъ на натянутой струнѣ отношеній между рабочими и интеллигенціей. *) Ни одно изъ зубатовскихъ собраній не проходитъ безъ того, чтобы прямо или

*) Одесскія событія, разыгравшіяся въ самое послѣднее время и роль зубатовцевъ или «независимцевъ», какъ они себя называютъ, какъ нельзя краснорѣчивѣе подтверждаетъ нашу мысль.

вскользь не было брошено по адресу всей интеллигенціи обвиненіе — въ желаніи использовать рабочихъ въ борьбѣ ихъ съ правительствомъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Ни одинъ изъ зубатовскихъ ораторовъ не пройдетъ мимо этихъ больныхъ отношеній, чтобъ не лягнуть своимъ шпіонскимъ копытомъ въ эту рану. Къ сожалѣнію, тѣ слабыя стороны, которыми такъ искусно и выгодно для себя пользуются наши враги, для многихъ изъ нашихъ руководителей или совсѣмъ неизвѣстны, или они не считаютъ нужнымъ съ ними считаться.

* * *

Въ послѣднее время революціонное движеніе въ Россіи приняло такіе широкіе размѣры, что нѣтъ у насъ ни одного слоя населенія, за исключеніемъ развѣ полицейской своры, которые бы прямо или косвенно не были имъ затронуты. У однихъ движеніе вызываетъ симпатію, въ другихъ оно находитъ поддержку, въ третьихъ — самыхъ рѣшительныхъ бойцовъ. Не углубляясь въ смыслъ переживаемаго нами момента, обозрѣвая его съ птичьяго полета, сознательный или безсознательный противникъ «догмы» можетъ патетически воскликнуть: «смотрите, догматики, чего стоитъ вся ваша «теорія» «борьбы классовъ». Вотъ вамъ вѣское опроверженіе мнимой ея «научности». Г. Житловскій даже прибавилъ бы: «вы видите, что значитъ категорическій императивъ въ лицѣ сознанной нравственности и святости цѣли. Оставьте раздоры и разногласія и объединитесь во имя этого святого дѣла! Вы скажете, что ваши интересы радикально расходятся съ интересами тѣхъ, съ кѣмъ вамъ приходится вмѣстѣ бороться за сознанную всѣми вами цѣль сверженія самодержавія, что вы поэтому не хотите и не можете забыть своихъ разногласій и раздоровъ, но это пустяки, это не доводъ для категорическаго императива, онъ на это отвѣчаетъ: «вы не *можете*, но вы *должны* ихъ забыть.» *)

Не нужно быть глубокимъ философомъ для того,

*) Слова, сказанныя г. Житловскимъ на своемъ рефератѣ, если не ошибаюсь, носившемъ названіе «Объ этикѣ Канта», прочитаннымъ имъ въ кружкѣ студентовъ и студентокъ изъ Россіи.

чтобы понять, почему такія рѣчи въ послѣднее время приходится такъ часто слышать. Совершенно вѣрно, что одинъ девизъ объединяетъ въ настоящее время различные классы и слои населенія Россіи; девизъ этотъ — «долой самодержавіе», и величіе переживаемаго нами времени, какъ всякаго выдающагося момента въ историческомъ развитіи общества, такъ сильно охватываетъ всѣхъ, что различіе интересовъ каждаго отдѣльнаго изъ этихъ слоевъ, какъ будто совсѣмъ улетучивается, а на мѣсто его выдвигается кажущаяся общность цѣли, общность стремленій и общность борьбы. И вслѣдствіе этого происходитъ то, что идеи и стремленія однихъ слоевъ населенія скрещиваются съ идеями и стремленіями другихъ, и въ результатѣ получается мѣшанина, въ которой очень трудно отличить своихъ отъ чужихъ.

Такого рода явленіе мы замѣчаемъ вездѣ, гдѣ въ наличности есть широкое общественное движеніе. Въ Россіи же, гдѣ отсутствуютъ всѣ формы борьбы, которыя свойственны конституціонному государству, это явленіе въ своемъ развитіи достигаетъ своего апогея. У насъ нѣтъ партій, которыя, выражая собою интересы отдѣльныхъ классовъ или группъ населенія, имѣли бы непосредственное вліяніе на законодательство, которыя могли бы быть регуляторомъ государственной машины, ихъ нѣтъ по понятной причинѣ,— партіи, въ конституціонномъ значеніи слова, при абсолютизмѣ немыслимы. Сверженіе самодержавія не можетъ быть разрѣшено голосованіемъ депутатовъ въ несуществующемъ у насъ парламентѣ. Эту задачу должна разрѣшить болѣе реальная сила, а такой силой — всѣ это теперь отлично понимаютъ — можетъ быть только россійскій пролетаріатъ.

Вотъ почему всѣ недовольные самодержавіемъ — сознательно или безсознательно — это вопросъ другой — бѣгутъ въ пролетарскій лагерь. Въ немъ одномъ они видятъ сильную опору и проводника своихъ стремленій.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Мартовъ въ своей статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ». *) «Русская соціалдемократія допустила развитіе въ своей средѣ

*) Заря 2—3 книжка.

элементовъ, налагающихъ на все движеніе печать зависимости отъ идей и интересовъ радикальной части «общества».

«...Радикальная интеллигенція готова признать (временно!) право на существованіе за извѣстными революціонными «иллюзіями», поскольку въ данный моментъ ихъ обояніе ускоряетъ процессъ вовлеченія народныхъ массъ въ общеполитическую борьбу за конституцію, она не прочь пока допустить культивированіе столь непріятной ей «революціонной фразы», такъ какъ ея классовой инстинктъ подсказываетъ ей, что въ данный моментъ, при извѣстныхъ условіяхъ эта фраза можетъ превратиться въ революціонное дѣло только въ сферѣ отношеній народа къ государству, не затрагивая коренныхъ устоевъ буржуазнаго общества.... Иначе говоря, «общество» готово примириться и даже признать полезность рабочаго движенія, какъ силы, подкапывающей царизмъ, усиливающей недовольство противъ него и *способной въ извѣстные моменты сыграть роль вспомогательнаго политическаго фактора, пушечнаго мяса въ политической борьбѣ.*» Не отрицаетъ этого и «блестящая» искровская статья «борьба направленій — пожива демагогамъ». И она говоритъ, «что на развивающееся пролетарское самосознаніе въ Петербургѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, здѣсь давили безсознательныя и сознательныя вліянія буржуазно-демократической интеллигенціи, систематически внушавшей организованнымъ пролетаріямъ и ихъ товарищамъ — интеллигентамъ идеи, послѣдовательное усвоеніе которыхъ неизбѣжно должно было сдѣлать наше рабочее движеніе простымъ придаткомъ къ либерально-демократической буржуазіи, руководимой гг. Струве и К°.»

Какъ видите, приведенныя выписки довольно сильно подтверждаютъ сказанное мною. Казалось бы, что главныя положенія моего реферата не должны были вызвать рѣзкихъ возраженій со стороны моихъ оппонентовъ, вѣдь почти всѣ они — ярые «искровцы». Такъ должно было быть, но не такъ было. Логика ли ихъ въ этотъ вечеръ захромала (все случается) или въ послѣднемъ номерѣ «Искры» ничего по этому поводу не было сказано или, можетъ быть, какая нибудь другая «искровцамъ» однимъ извѣстная причина была

тому виною — достовѣрно сказать не могу, — но фактъ, что съ пѣной у рта нападали на мой рефератъ. А когда человѣкъ злится, куда уже ему до логики. Даже видные изъ нихъ негодовали противъ моихъ утвержденій, «что будто бы виновницей антогогизма является буржуазная интеллигенція»; «зачѣмъ сбоку-припеку она ему здѣсь понадобилась». Но я спрашиваю этихъ видныхъ «искровцевъ», чего же вы, господа, испугались услышать на рефератѣ то, что писалось въ вашихъ статьяхъ? Или вы разувѣрились въ написанномъ вами? — но это вѣдь такъ недавно было? Что «вѣтеръ новый подулъ»? — и это сомнительно, — вы такъ часто гордитесь своей критикой «критиковъ», своей борьбой съ оппортунистами, «экономистами», на каждое слово вашихъ противниковъ отъ васъ только и слышишь: «pardon, кто очистилъ нашу партію отъ идейно-опасныхъ ей элементовъ, кому, если не намъ, обязанъ всѣмъ этимъ пролетаріатъ», такъ что мое предположеніе о перемѣнѣ погоды не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Но тогда, господа, скажите на милость, какъ васъ и всю вашу дѣятельность понимать? Одно изъ двухъ, если по вашему мнѣнію буржуазной интеллигенціи нѣтъ въ нашихъ рядахъ, если пролетаріату не угрожаетъ съ ея стороны никакая опасность, тогда нечего было вамъ зря копья ломать въ борьбѣ съ вѣтряными мельницами, тѣмъ болѣе нечего было на страницахъ «Зари» раздувать эту опасность, изъ мухи дѣлать слона.

Воистину приходится сказать, что «Искра» и тѣмъ болѣе видные «искровцы» — это сфинксъ, передъ загадками котораго даже и мудрый Эдипъ въ недоумѣніи развелъ бы руками. Въ одной статьѣ — крайніе защитники догмы пролетарскаго соціализма, въ другой—не менѣе активные миссіонеры капитализма (ваши отрѣзки, ваши планы развитія классовой борьбы въ деревнѣ ради соціализма), третьяго дня противники всеобщей стачки, завтра — будущіе ея пропагандисты (въ зависимости, конечно, отъ того, что скажетъ политическій барометръ), — удивительные люди, сфинксы да и только, какъ у послѣднихъ голова у нихъ человѣческая, а туловище четвероногаго. По голосу — голосъ Іакова, а по одежѣ — какъ есть Исаавъ.

Но если ссылки на «Зарю» и «Искру» не надежны,

такъ какъ авторы статей, изъ которыхъ приводятся выписки, сами съ ними не согласны, тогда, съ позволенія читателя, подкрѣплю сказанное мною ссылками (на кого бы вы думали?)—на «Гражданинъ» кн. Мещерскаго. Вотъ что мы, напримѣръ, находимъ на страницахъ россійскаго «Гражданина», реакціонныя сужденія котораго въ послѣднее время также запахли «духомъ времени». Статья, изъ которой привожу длинную выписку носитъ названіе «Наши политическія фракціи»; въ ней авторъ статьи, господинъ А., соболѣзнуя причитаньямъ свѣтлаго съ темными пятнами князя (и на солнцѣ пятна есть) Мещерскаго объ отсутствіи у насъ сплоченной феодально-консервативной партіи, говоритъ, «что у насъ несомнѣнно нѣтъ сплоченной консервативной партіи, которая во всякое время могла бы бороться съ либеральнымъ теченіемъ». Авторъ статьи, соглашаясь съ Мещерскимъ, что такой силы у насъ нѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отыскиваетъ причину этого явленія. Начинаетъ онъ съ опредѣленія фермента политическихъ идей и стремленій. «Политическія убѣжденія и желанія ихъ отстаивать, — говоритъ сотрудникъ «Гражданина», — образуются подъ вліяніемъ *жизненныхъ интересовъ, которыя при господствѣ извѣстныхъ принциповъ* пользуются выгодами своего положенія или выгодами матеріальныхъ условій жизни, обычно. стоятъ за эти принципы и *боятся колебанія основъ*, какъ угрожающаго ихъ жизненнымъ интересамъ. Они *составляютъ основу консерватизма.* *)

«Ошибочно было бы думать, что консерватизмъ, защищаетъ абсолютное statu quo, что онъ недоступенъ прогрессу и врагъ всѣхъ реформъ. Просвѣщенный консерватизмъ можетъ быть весьма дѣятеленъ въ преобразованіяхъ, какъ государственныхъ такъ и общественныхъ, но подъ условіемъ, чтобъ они происходили *въ духѣ принциповъ, которые онъ исповѣдуетъ* и кокорые составляютъ *основу* **) его матеріальныхъ интересовъ.

«Къ консервативной группѣ обыкновенно принадлежатъ имущіе классы и, главнымъ образомъ, прочное землевладѣніе и зажиточное крестьянство. Къ нимъ примыкаютъ капиталистическій и промышленный классы, послѣдній въ томъ случаѣ, если его матеріальное положеніе цвѣтущее. Торговый классъ чаще всего сливается съ промышленнымъ. Таковы основы здороваго консерватизма, котораго, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ потому, что дворянское землевладѣніе раззорилось или находится на наклонной плоскости, крестьянство обнищало, промышленность находится въ кризисѣ, а при такихъ условіяхъ эти классы теряютъ свое знамя и переходятъ въ противоположный лагерь, въ тотъ, гдѣ надежды на лучшее будущее, измѣненіемъ существующаго порядка вещей, составляетъ основу стремленій».

*) «Гражданинъ» № 17. 1903 г.

**) Подчеркнуто во всей выпискѣ мною. М. Б.

Неправда ли, читатель, у почтеннаго сотрудника столь же почтеннаго «Гражданина» логика чисто марксистская, впору многимъ интеллигентамъ изъ буржуазіи, перешедшимъ «на пролетарскую точку зрѣнія». Если бы не благонамѣренность господина А., въ которой сомнѣваться нѣтъ у меня никакого основанія,—нельзя же предполагать, что въ «Гражданинѣ работаютъ неблагонадежные, — я заподозрѣлъ бы его, что онъ, какъ видно, во время писанія своей статьи находился подъ впечатлѣніемъ только что прочитанной имъ брошюры Каутскаго «Классовые интересы». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статья настолько походитъ на такія же мѣста этой брошюры, что только удивляешься недобросовѣстности г. А., не считающаго нужнымъ взять слова Каутскаго въ кавычки. Но такъ надежно зарекомендованный въ отношеніи благонадежности авторъ этой статьи навѣрно нелегальной литературы не читаетъ (само собой разумѣется, что это не исключаетъ возможности, что въ прошломъ своемъ у г. А. были и увлеченія, и марксистскія идеи, «время юности бурливой», когда такъ легко сынки буржуазіи, но за то кратковременно, становятся «на пролетарскую точку зрѣнія», — вотъ, пожалуй, чѣмъ можно объяснить эту марксистскую логику; но съ откровенными буржуазными выводами), но читалъ ли или не читалъ г. А. Маркса или его популяризаторовъ, — это для насъ, въ сущности говоря, совсѣмъ не важно, а важна та откровенность, съ которой трактуются на страницахъ «Гражданина» такіе больные вопросы нашего времени, о которыхъ въ лагерѣ имущихъ классовъ не принято говорить откровенно.

Нужно ли при этомъ объяснить читателю, что реакціонеръ всегда остается реакціонеромъ, и какъ передъ нами не распинается г. А., что «просвѣщенный консерватизмъ можетъ быть весьма дѣятеленъ въ преобразованіяхъ, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ», разумѣется, въ предѣлахъ «духа тѣхъ принциповъ, которые исповѣдуетъ» и «что онъ вполнѣ доступенъ прогрессу», — извѣстно, что къ такимъ или тому подобнымъ словамъ реакціонеровъ отъ «Гражданина» относятся съ недовѣріемъ даже либералы, любящіе поболтать и морочащіе этой болтовней о «прогрессѣ», «культурѣ», «реформѣ» трудящіеся классы. И какъ имъ иначе относиться къ нимъ, когда даже такой просвѣщенный, мыслящій даже по марксистски, реакціонеръ, какъ цитируемый мною авторъ не можетъ отличить овецъ отъ козлищъ и валитъ всѣхъ въ одну кучу. Говоря о тѣхъ условіяхъ, которыя заставляютъ консервативные по своей сущности классы «бѣжать въ противоположный лагерь» ему такъ и мерещатся «разрушители собственности, семьи, государственности и нравственности». По истинкту реакціонера a la Мещерскій всякое не ретроградное мнѣніе есть уже наполовину анархическое. Конечно, либералы — люди приличные и резонно сердятся, когда ихъ смѣшиваютъ съ какой то компаніей разрушителей. Хотя нужно признаться, что среди нашихъ «соціалистовъ» есть довольно значительное число «индивидуумовъ», которые въ данномъ случаѣ могутъ вполнѣ согласиться съ г. А. Вѣдь и имъ очень часто мерещится разрушеніе существующаго строя тамъ, гдѣ только раздается крикъ «долой самодержавіе». Недаромъ одесскіе ораторы-соціалисты на тамошнихъ грандіозныхъ сходкахъ должны были ретироваться передъ «независимцами», — извѣстное дѣло, вѣдь не могли же они вести за собою эту толпу, состоящую изъ десятковъ тысячъ человѣкъ, разъ она выставляетъ какія то «узкія экономическія» требованія, какъ напр., 9-ти часовой рабочій день, увеличеніе на треть заработной платы, обязательное на счетъ хозяевъ содержаніе заболѣвшихъ у нихъ рабочихъ, лучшее обращеніе и проч. Конечно, эти требованія для пролетаріевъ очень важны, имъ удѣляютъ большую часть своей борьбы рабочіе промышленныхъ странъ Новаго и Стараго свѣта; нѣкоторыя изъ этихъ требованій, какъ напр., 8—9 часовой рабочій день даже въ извѣстномъ смыслѣ идеалъ западно-европейскихъ рабочихъ, выставляемый ими на первомайскомъ знамени, но идеалъ европейскихъ рабочихъ,—«впавшихъ въ буржуазность»,—не нашъ идеалъ. У насъ другіе идеалы, мы только одно должны знать: «долой самодержавіе», ибо только съ его паденіемъ возможно будетъ безпрепятственное развитіе какъ капитализма, такъ «и классовой борьбы въ деревнѣ».

Вернемся же къ выпискѣ. — Но что, какая сила можетъ вернуть заблудшихся сыновъ собственности и даровой прибавочной стоимости къ своему родному знамени? — вопрошаетъ г. А., и тутъ же дается имъ отвѣтъ. «Откройте землевладѣнію и зажиточному крестьянству просторъ для благонадежнаго существованія, откройте въ нашей странѣ поприща для свободной предпріимчивости, личной иниціативы, энергіи и труда, вырвите эти сферы изъ рукъ бюрократіи и примите такимъ образомъ мѣры къ сокращенію ея личнаго состава, — и вы увидите, — продолжаетъ этотъ реакціонеръ новѣйшей конструкціи, — *какъ начнутъ густѣть и вытягиваться* ряды консерваторовъ.

«Чтобъ пріобрѣсть намъ эту силу, — говоритъ онъ далѣе, — намъ необходимо пойти на встрѣчу жизненнымъ интересамъ нашихъ сословій, которымъ нельзя *не быть* консервативными, если ихъ матеріальное положеніе благополучно.

«Въ безотрадныхъ условіяхъ жизни люди бросаются на всякій зовъ, откуда бы онъ ни послѣдовалъ и во имя чего бы онъ ни явился, лишь бы удовлетворить естественному желанію чего-нибудь лучшаго. Можно ли укорять утопающаго, если онъ, вопреки всякой очевидности, хватается за предметъ, не могущій поддержать его тяжести».

Авторомъ этой статьи какъ нельзя лучше, хотя съ различными для насъ выводами изъ его разсужденій, охарактеризовано настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, очень и очень многимъ изъ нашихъ соціалистическихъ писателей не извѣстно многое, что имъ давно бы слѣдовало знать. Время уже знать, что отъ увеличенія нашихъ пролетарскихъ рядовъ этими «утопленниками», которымъ только недостаетъ «деклараціи правъ человѣка и гражданина»,

провозглашенной г. А. въ своей статьѣ, чтобы быть спасенными и «стать за эти принципы и бояться колебанія основъ, какъ угрожающаго ихъ жизненнымъ интересамъ», пролетаріатъ очень мало выиграетъ.

Всѣ эти элементы, не имѣющіе ничего общаго съ классовыми стремленіями пролетаріата, являющіеся по исторической «случайности», если можно такъ выразиться, представителями тѣхъ, кого они «по своей буржуазной природѣ» представлять не могутъ, — все же имѣютъ всѣ преимущества, чтобъ стать руководителями рабочаго движенія. Нашъ пролетаріатъ выдвинулъ пока еще очень незначительный сравнительно контингентъ интеллигентныхъ личностей, которыя могли бы являться его истинными представителями.

Рабочая масса инстинктивно чувствуетъ, что такого элемента среди нея почти нѣтъ и вотъ почему она въ бурные мѣсяцы 1901 г. обращается къ студентамъ: «ведите насъ куда нужно, прикажите и мы разобьемъ тюрьму; скажите, и мы расправимся съ этой сволочью» *). Она съ этими криками негодованія не обращается къ самой себѣ, чтобы въ своихъ рядахъ выискать себѣ руководителей, а обращается къ «студентамъ», которые одни только, по ея мнѣнію, могутъ быть руководителями и спасителями. Этотъ фактъ въ высшей степени характерный, надъ значеніемъ его стоитъ серьезно задуматься. Конечно, выводъ изъ этого факта у различно думающихъ людей будетъ различный. «Искра», обдумавъ его, придетъ или уже пришла къ заключенію, что намъ необходимы централистическіе комитеты, которые не могли бы быть захвачены событіемъ врасплохъ и во всякое время умѣли бы приказывать, вести, управлять, а мы, разумѣется, придемъ къ другому выводу. Мы скажемъ, что намъ необходима самодѣятельность рабочихъ, что нужно позаботиться о томъ, чтобы во главѣ рабочаго движенія стояли рабочіе, мы укажемъ положительной соціалистической интеллигенціи на ея долгъ выдвигать побольше изъ рабочей среды отдѣльныхъ личностей, способныхъ стать достойными представителями пролетаріата.

Вся эта разнокалиберная интеллигенція, по своему интеллекту, въ массѣ гораздо выше стоящая пролетаріата, по традиціямъ нашей прошлой революціонной борьбы (когда не было рабочаго движенія, а было движеніе интеллигентское), находящаяся очень близко отъ центровъ нашей революціонной дѣятельности, имѣетъ, какъ я сказалъ уже выше, всѣ преимущества и шансы стать во главѣ рабочаго движенія.

*) Изъ брошюры «Письмо къ товарищамъ пропагандистамъ».

То, что такая интеллигенція дѣйствительно имѣла громадное вліяніе на развивающееся у насъ рабочее движеніе, — это давно уже признанный фактъ, когда говорится о прошломъ этого движенія. И не удивительно. Вѣдь къ прошлому куда легче подходить съ объективной критикой, чѣмъ къ настоящему.

Пресловутая «критика» марксизма, проповѣдываніе эволюціоннаго соціализма, «чисто пролетарской» революціи для развитія классовыхъ антагонизмовъ, прожектерство соціально-филантропическихъ реформъ, построенныхъ на «притупленіи» классовыхъ противорѣчій и въ конечномъ результатѣ стремленіе оттянуть во что бы то нистало соціальную «развязку», — все это яснѣе яснаго показываетъ, съ кѣмъ мы имѣемъ тутъ дѣло.

Но за то другая часть интеллигенціи, количественно совсѣмъ незначительная, для которой соціализмъ сталъ религіей и жизнью, встрѣтила эту «критику», какъ и слѣдовало ожидать, съ подобающимъ отпоромъ. И ея энергичной борьбѣ съ этими буржуазными поползновеніями фальсифицировать пролетарскій соціализмъ мы обязаны тѣмъ, что такъ скоро уразумѣли истинную «природу цѣнности», какъ «критиковъ», такъ и ихъ «критики».

И всѣ тѣ, для кого обоснованіе извѣстной теоріи не есть пустое разглагольствованіе, а необходимая предпосылка отвѣтственной дѣятельности, не удивляются существованію антагонизма между различными революціонными направленіями, настоящаго времени, не считаютъ его ненормальнымъ явленіемъ, а напротивъ явленіемъ здоровымъ для того дѣла, выразительницей котораго является революціонная, не во фразѣ только, а на дѣлѣ, соціалдемократія.

Я уже выше сказалъ, что къ прошлому гораздо объективнѣе относятся критики, чѣмъ къ настоящему. И не только къ прошлому, но къ своимъ противни-

камъ настоящаго времени большинство критиковъ относятся несравненно (иногда даже черезъ мѣру) объективнѣе, чѣмъ къ себѣ самимъ. Очень часто указываемые ими недостатки и ошибки прошлаго дѣйствительно имѣли мѣсто, не менѣе часто по этой только критикѣ намъ становится яснымъ многіе вопросы настоящаго — и въ этомъ случаѣ ихъ объективизмъ можетъ цѣниться развѣ только на вѣсъ историческаго опыта, столь цѣннаго для разумныхъ людей. Но какъ только эти критики приступаютъ къ настоящему, они какъ то теряютъ свой объективизмъ и становятся пристрастными и субъективными до смѣшного. То, что такъ легко замѣчается ими у своихъ предшественниковъ, то что такъ зло, хотя подчасъ и по достоинству, высмѣивается у своихъ противниковъ, они никакъ не могутъ замѣтить въ самихъ себѣ. Невольно въ такихъ случаяхъ приходитъ на память крыловская мартышка.

Смотри-ка ты, кумъ милый мой,
Что тамъ за рожа,
Какія у нея ужимки и прыжки,
Я уморилась бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.

Возьмемъ къ примѣру статью изъ № 46 «Искры». органа, какъ всѣмъ извѣстно, «критики критиковъ, ортодоксіи, догмы и проч. и проч.» объ іюльскихъ дняхъ въ Россіи, носящую названіе «Всеобщія стачки» на Югѣ» и посмотримъ какъ относятся революціонные соціалисты отъ «Искры» къ этимъ событіямъ и чему послѣднія ихъ научили. Казалось бы, что органъ, претендующій представлять интересы пролетаріата, въ каждомъ абзацѣ своего текста, употребляющій по меньшей мѣрѣ по одному разу слова «классовая борьба», «пролетаріатъ», долженъ былъ бы разсматривать эти событія только съ точки зрѣнія этого класса, и, исходя изъ интересовъ послѣдняго, придти къ извѣстнымъ практическимъ выводамъ. Такъ должно было быть, но не такъ дѣлаютъ наши «революціонные соціалдемократы».

Снабдивъ статью нѣсколькими строками, въ которыхъ говорится о прогрессивной роли россійскаго пролетаріата, какъ разрушителя оплота европейской

реакціи — русскаго абсолютизма, весь центръ статьи обращенъ въ сторону либераловъ. Вѣрнѣе было бы назвать эту статью: «политическій урокъ либераламъ по поводу революціоннаго движенія пролетаріата на югѣ Россіи», а не такъ, какъ она ошибочно названа редакціей «Искры» — «всеобщія стачки» на Югѣ». Приведу существенные отрывки изъ этого весьма интереснаго урока, который дается представителями пролетаріата либераламъ. Напоминая имъ слова Плеханова, сказанныя имъ на Парижскомъ соціалистическомъ конгрессѣ 1889 г., что *революціонное движеніе восторжествуетъ у насъ, какъ движеніе рабочаго класса, или совсѣмъ не восторжествуетъ*, учителя добавляютъ: «Тогда эти его слова удивили даже соціалистовъ. Теперь всякій видитъ, что рабочій классъ является у насъ самой значительной и единственной вполнѣ надежной (Для кого надежной? Не для либераловъ ли? Полагаемъ, что либераловъ имѣетъ «Искра» въ виду. Вѣдь для нихъ читается эта лекція. М. Б.) революціонной силой. Потому то движеніе этого класса и привлекаетъ къ себѣ благосклонное вниманіе даже такихъ людей, которые еще очень недавно весьма рѣшительно отрицали самую возможность у насъ такого движенія. Потому то съ россійскимъ рабочимъ и спѣшатъ теперь *«родными» счесться* даже тѣ которые враждебно чужды ему»... Обнадеживъ либераловъ и показавъ имъ, что пролетаріатъ единственная сила, которая можетъ покончить съ существующимъ у насъ политическимъ режимомъ и этимъ самымъ давъ имъ хорошо понять, что «артачиться» имъ тутъ нечего, «Искра» предлагаетъ имъ условіе, на основѣ котораго могъ бы быть заключенъ договоръ между ними и пролетаріатомъ. «Какъ знать? Можетъ быть скоро мы увидимъ молодыхъ, и по своему самоотверженныхъ буржуа, идущихъ «въ народъ» для привлеченія рабочихъ *на свою сторону* (Подч. мною Б.). Соціалдемократія не откажется *поддержать* такихъ людей, поскольку ихъ пропаганда будетъ способствовать пробужденію политическаго сознанія въ *менѣе развитыхъ слояхъ пролетаріата* — болѣе развитые слои не нуждаются въ ихъ пропагандѣ, — но она не перестанетъ разоблачать передъ пролетаріатомъ узость и недостатокъ освободительныхъ теченій буржуазіи всюду, гдѣ ни проявится эта узость и эта ограничен-

ность»... Мы не знаемъ какого мнѣнія нашъ читатель о договорахъ съ либералами вообще и объ искровскомъ договорѣ съ «буржуа, идущихъ «въ народъ» для привлеченія рабочихъ *на свою сторону*», въ частности. Наше же мнѣніе въ данномъ случаѣ «анархическое», — мы принципіально противъ всѣхъ союзовъ съ буржуазными партіями. Мы говоримъ, что съ послѣдними для насъ пролетаріевъ можетъ быть одинъ только союзъ — «*бить и тѣснить ихъ*». И чѣмъ рѣшительнѣе и аккуратнѣе это главное условіе полезности союза съ либералами будетъ нами выполняться, тѣмъ «либерализмъ» нашихъ либераловъ сдѣлается болѣе революціоннымъ. Таково наше мнѣніе о «временныхъ», какъ многіе себя утѣшаютъ, союзахъ партіи пролетаріата съ болѣе или менѣе либеральными партіями вообще, какъ уже было нами сказано. Но то, что еще можно въ извѣстной степени оправдать на Западѣ, гдѣ либеральныя партіи буржуазіи представляютъ собою реальную силу, съ которой необходимо считаться, гдѣ борьба, втиснутая въ узкія и вредныя для пролетаріата рамки «законности», имѣетъ свое единственное выраженіе въ парламентскомъ голосованіи, тамъ союзъ, какъ пріобрѣтеніе въ какомъ нибудь парламентскомъ вопросѣ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ, вполнѣ понятенъ, хотя по нашему мнѣнію, повторяемъ, онъ вреденъ, ибо *такіе союзы съ либералами всегда оставались безплодными и вредными*, какъ отупляющіе революціонность пролетаріата и сглаживающіе классовыя противорѣчія. И если увлеченіе «вождей» европейскихъ пролетаріевъ можетъ быть въ извѣстной степени оправдано, принимая во вниманіе условія ихъ политической дѣятельности, то у насъ пропагандисты такихъ «союзовъ», помимо осужденія и борьбы со столь вредной для пролетаріата тенденціей, ничего другого со стороны болѣе или менѣе самостоятельно мыслящихъ соціалистовъ встрѣтить не могутъ.

Наши либералы, какъ представители интересовъ извѣстнаго класса, никогда собой не представляли силы, активнаго участія въ борьбѣ съ самодержавіемъ за все время существованія у насъ этой борьбы ни въ чемъ не проявляли и никакого вліянія на трудящееся населеніе, и тѣмъ болѣе на пролетаріатъ, не

имѣли и, къ великому нашему счастью, не имѣютъ его и по сю пору. Дѣлать уступки, — а союзъ не можетъ заключаться безъ уступокъ договаривающихся сторонъ, — для такого союзника болѣе чѣмъ смѣшно.

Съ либералами возможенъ только союзъ на непремѣнномъ условіи — «*бить и тѣснить ихъ*» и дѣйствительность какъ нельзя лучше подтверждаетъ нашу мысль. Мы и истолковываемъ въ этомъ направленіи все чаще раздающіеся голоса изъ среды земельнаго дворянства — главнаго подставщика либераловъ — о необходимости политическихъ реформъ, въ виду тѣхъ революціонныхъ бациллъ, которыя, разъ проникнувъ въ деревню, развиваютъ съ неимовѣрной быстротой соціальную болѣзнь — революціонизмъ, дѣлающій невыносимой помѣщичью жизнь въ деревнѣ и заставляющій многихъ изъ нихъ продавать за безцѣнокъ свои насиженныя мѣста и бѣжать, какъ они сами говорятъ, куда глаза глядятъ. Внимательному читателю не разъ, должно быть, приходилось встрѣчать на столбцахъ нашихъ революціонныхъ и даже легальныхъ газетъ и журналовъ іеремейскій плачъ помѣщиковъ по поводу того, что жизнь въ деревнѣ стала имъ не въ моготу, что «анархизмъ» проникъ въ деревню и серьезно угрожаетъ не только помѣщичьимъ интересамъ, но существованію государства и собственности. Большинство этихъ представителей благороднаго сословія взываетъ въ «минуту жизни трудную» къ старому, давно ими испытанному средству — ежовымъ рукавицамъ русскаго абсолютизма, но все больше становится между ними и такихъ, которые потеряли вѣру въ благотворное дѣйствіе этого устарѣвшаго уже средства, примѣненіе котораго въ послѣднее время еще болѣе раздражаетъ неблагодарное «мужичье» противъ Оболдуй Обулдуевыхъ.

Но если мнѣніе читателя объ этомъ вопросѣ совсѣмъ другое, если онъ стоитъ за союзы съ либеральными партіями только въ томъ случаѣ, когда союзы эти «необходимы и выгодны для пролетаріата», то и тогда мы ему посовѣтуемъ внимательно вчитаться въ искровскій договоръ. По этому договору «соціалдемократія не отказывается *поддерживать* буржуа-либераловъ, поскольку ихъ пропаганда будетъ способствовать пробужденію политическаго сознанія въ *менѣе*

развитыхъ слояхъ пролетаріата, — болѣе развитые его слои не нуждаются въ ихъ пропагандѣ», но она, т. е. искровская соціалдемократія никогда не выпуститъ пролетаріатъ изъ подъ своего вліянія. Предоставлять *«менѣе развитые слои пролетаріата»* либераламъ, и не только предоставлять, но и обѣщать *«поддерживать* ихъ въ своей пропагандѣ» — штука, по нашему мнѣнію, весьма и весьма опасная для пролетаріатскихъ интересовъ, даже и въ томъ случаѣ, если будетъ принята во вниманіе оговорка этого договора, по которой «болѣе развитые его слои не нуждаются въ ихъ пропагандѣ» — или какъ мы бы яснѣе выразились: даже тогда, когда болѣе сознательные слои его не поддадутся на удочку либерально-буржуазной пропаганды. Вѣдь революцію дѣлаютъ не передовые слои, а масса *«менѣе развитыхъ слоевъ пролетаріата»*. Это, конечно, «вполнѣ надежная революціонная сила». «Однако, пока что» либеральная буржуазія не понимаетъ выгодности этого договора и «не только сама не идетъ «въ народъ», но не умѣетъ поддержать даже и тѣхъ народныхъ движеній, которыя возникаютъ и безъ ея участія». Но что жъ подѣлаешь, размышляетъ тоскующая по либераламъ «партійная» «Искра», когда у нихъ здраваго смысла очень мало, когда «они не отличаются большою политическою смышленностью» и не хотятъ оказать этому движенію «ту поддержку, которую они *могли бы* оказать, право «за него стоило бы открыть хотя бы и либеральный кошелекъ» — вздыхаетъ наша бѣдная печальница.

И какъ тутъ не печалиться? Подумайте только. Вѣдь *«менѣе сознательные слои пролетаріата»* при случаѣ не забыли бы услугъ либераловъ, и, какъ знать, сторицей, можетъ быть, отплатили бы имъ за эту услугу. Такъ ли, господа революціонные соціалисты отъ «Искры?

Было бы съ нашей стороны несправедливо не упомянуть о той части цитируемой статьи, гдѣ дѣлаются для пролетаріата практическіе выводы изъ грандіозныхъ южныхъ событій. «Послѣ колоссальнаго движенія нынѣшняго лѣта, — говоритъ «Искра» въ своемъ резюмѣ, — демонстративныя прогулки кучекъ, хотя бы и въ нѣсколько сотъ человѣкъ, немедленно

разгоняемыхъ полиціей, могутъ быть умѣстны только въ отсталыхъ мѣстахъ нашего отечества; тамъ же, гдѣ движеніе приняло большіе размѣры наши демонстраціи должны сдѣлаться массовыми движеніями», а въ такихъ «демонстраціяхъ нетрудно будетъ давать вооруженный отпоръ разбойникамъ порядка»». О значеніи всеобщихъ стачекъ, этихъ *«возстаній производителей на почвѣ производства»*, «Искра» не обмолвилась ни единымъ словомъ. И понятно, вѣдь «всеобщія стачки» одни только анархисты могутъ пропагандировать, какъ средство революціонной борьбы пролетаріата съ существующимъ капиталистическимъ строемъ — это разъ, а во вторыхъ, при демонстраціяхъ, даже и вооруженныхъ, противъ самодержавнаго правительства либералы раскошелятся и, вообще, «поддержатъ чѣмъ могутъ», а съ всеобщими стачками шутить нельзя, либералы на смерть могутъ перепугаться краснаго призрака соціальной революціи, не успѣвши пріобрѣсти, къ великому огорченію «Искры», «политической смышленности, «умрутъ, не успѣвши разцвѣсть», какъ говорится въ пѣснѣ. Оканчивается статья словами, очень часто повторяемыми «Искрою» и «не менѣе часто — по признанію самой же «Искры» — «вызывающими остроумныя насмѣшки нѣкоторыхъ остроумныхъ людей: *агитація и организація организація и агитація; и еще агитація и еще организація!*».

Вотъ вамъ соціалистическіе критики «критиковъ» въ своей наготѣ. Разница между тѣми и другими не совсѣмъ большая. Какъ здѣсь, такъ и тамъ весьма замѣтная тенденція во что бы то ни стало превратить рѣзкое столкновеніе пролетаріата съ командующими классами въ борьбу съ самодержавнымъ режимомъ. Какъ у первыхъ, такъ и вторыхъ затаенная ревность къ существующему строю и страстное желаніе оттянуть во что бы то стало «развязку».

Да, въ нашихъ рядахъ достаточно много буржуазныхъ элементовъ. Если съ этимъ согласиться, то не трудно будетъ отгадать загадку — чѣмъ именно обусловливается антагонизмъ между рабочими и интеллигенціей? Онъ обусловливается тѣмъ же, чѣмъ теоретическая борьба двухъ направленій — *соціалистически-революціоннаго съ одной стороны и радикально-буржуазнаго — съ другой*. Теоретически борьба

эта выразилась въ богатой литературѣ, гдѣ даются противниками ожесточенныя сраженія, практически же — въ антагонизмѣ рабочихъ къ интеллигенціи, въ стремленіи первыхъ основать свои самостоятельныя организаціи.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ антагонизмъ можетъ доходить до крайностей, какъ напримѣръ, производство всѣхъ несогласно мыслящихъ по какому нибудь отдѣльному, не основному вопросу, въ соціалъ-буржуа, такъ и огульное обвиненіе всей интеллигенціи въ буржуазности (крайности вѣдь вездѣ и всегда вредны — это старо, какъ самъ міръ), но кто не лишенъ зрѣнія, не можетъ не замѣтить въ антагонизмѣ рабочихъ къ интеллигенціи оборотной стороны литературной борьбы, ведущейся какъ въ русской такъ и заграничной печати и что явленіе это весьма характерное въ смыслѣ показателя степени сознательности той части рабочихъ, которая близко стоитъ къ соціалдемократическимъ комитетамъ.

Я указалъ здѣсь на главную причину существующаго антагонизма. Не менѣе важная причина — и тенденція всѣхъ нашихъ комитетовъ не допускать къ руководительной работѣ лучшихъ представителей изъ рабочей среды.

Выдумываются различныя формы организаціи; распредѣляется работа въ нихъ такъ, чтобъ съ одной стороны вся руководительная часть ея осталась въ рукахъ нѣсколькихъ интеллигентовъ, вся же черная работа, которой во всякой революціонной организаціи очень много, взваливается на рабочихъ. То, что можно было допустить въ прошломъ нашего движенія, когда интеллигентныхъ рабочихъ было очень мало, а во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не было, теперь допускать болѣе чѣмъ преступно. Нѣтъ города съ болѣе или менѣе развитою промышленностью, гдѣ бы у насъ не было рабочаго движенія. Во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ имѣется контингентъ лицъ изъ рабочихъ, безусловно пригодныхъ для руководства рабочимъ движеніемъ, а, между тѣмъ, они игнорируются нашими комитетами. Очень часто личности, не имѣющія за собою революціоннаго опыта, впервые выступающія въ роли революціонеровъ, но имѣющія счастье принадлежать къ «интеллигентному сословію» (и такое

имѣется), попадаютъ безъ всякаго труда въ руководители; между тѣмъ, какъ рабочіе, по 6-7 лѣтъ принимающіе участіе въ революціонномъ дѣлѣ, по интеллигентности не уступающіе многимъ «интеллигентамъ», даже безъ кавычекъ, сплошь и рядомъ остаются за бортомъ руководительныхъ учрежденій.

Сказанное можно прослѣдить на цѣломъ рядѣ фактовъ изъ исторіи нашего революціоннаго движенія. Въ интересномъ очеркѣ петербургскаго рабочаго движенія, помѣщенномъ въ № 4 и 5 «Жизни», разсказывается о той борьбѣ, которая велась между двумя теченіями въ «Союзѣ Борьбы». Одно стояло за допущеніе рабочихъ въ Союзъ, указывая наличность такихъ силъ въ рабочей средѣ, которые вполнѣ могутъ принимать активное участіе въ работѣ Союза, предсказывая (и предсказанье это, какъ мы знаемъ теперь, было пророческимъ), что въ противномъ случаѣ «Союзу придется считаться съ печальнымъ фактомъ, что часть рабочихъ отстанетъ отъ Союза и будетъ дѣйствовать самостоятельно». Другое же теченіе было какъ разъ противоположное. Какъ на одинъ изъ самыхъ главныхъ мотивовъ недопущенія рабочихъ въ Союзъ указывалось имъ на неконспиративность рабочихъ. Но когда сторонники перваго теченія въ отвѣтъ на этотъ, якобы свойственный рабочимъ недостатокъ, доказывали, что рабочій-революціонеръ можетъ быть не менѣе конспиративенъ чѣмъ революціонеръ изъ интеллигенціи, то «на это указаніе,—разсказывается въ очеркѣ,—не давалось удовлетворительнаго отвѣта». «Однажды, — разсказываетъ далѣе авторъ очерка, — одинъ изъ главныхъ противниковъ допущенія рабочихъ въ комитетъ выразилъ даже опасеніе, что рабочіе внесутъ въ Союзъ новые порядки, и, *быть можетъ лишатъ насъ руководящей роли*». (Подчеркнуто мною Б.). Фактовъ такихъ очень много. Правда, въ литературѣ ихъ мало найдешь, но на практикѣ, кто изъ революціонеровъ съ ними не знакомъ? Я остановился на фактѣ изъ петербургскаго рабочаго движенія, потому что онъ особенно характеренъ для той атмосферы, при которой сложились теперешнія отношенія рабочихъ къ интеллигенціи.

Вообще, нужно сказать, централизму существующихъ организацій мы обязаны тѣмъ, что лучшія силы,

какъ изъ рабочихъ, такъ даже и изъ интеллигенціи очень часто остаются за бортомъ дѣла. Объясняется это тѣмъ, что комитеты наши, состоящіе изъ 5-6, а иногда и того меньше лицъ, связанные съ заграничными организаціями большею частью однимъ только адресомъ, замыкаются въ скорлупѣ своихъ «конспирацій» и стараются, какъ это на первый взглядъ ни странно, монополизировать всякую дѣятельность. И такъ какъ такая незначительная кучка лицъ при широкомъ массовомъ движеніи не въ состояніи выполнить всей массы работы, которую движеніе ежедневно ей предъявляетъ, а другіе въ это святое святыхъ очень рѣдко допускаются, то естестественно, что вся энергія комитетовъ вопервыхъ, обращена на то, чтобъ тормозить всякую дѣятельность, исходящую извнѣ, а затѣмъ на борьбу съ оппозиціями недовольныхъ, которые угрожаютъ его существованію.

Исторія появленія этихъ комитетовъ въ общемъ такова: 3-4 человѣка, заручившись нѣсколькими связями съ рабочими, объявляютъ себя комитетомъ, вокругъ котораго начинаютъ группироваться все новые и новые кружки рабочихъ и извѣстная часть такъ называемой либерально-радикальной интеллигенціи. Въ первое время работа идетъ довольно хорошо и успѣшно. Три-четыре комитетскихъ члена вполнѣ удовлетворяютъ неразросшимся потребностямъ движенія; рискованныхъ предпріятій, неудача которыхъ можетъ поколебать престижъ руководителей, при отсутствіи болѣе или менѣе значительныхъ силъ, комитетъ избѣгаетъ, одиночки рабочіе большею частью интимно связаны съ этими 3-4 лицами, и, помимо того, нѣтъ еще въ наличности такой силы, которая могла бы критически относиться къ дѣятельности комитета. Проходитъ нѣкоторое время, движеніе начинаетъ захватывать сравнительно широкіе слои рабочей массы, появляется интеллигентный рабочій, сфера дѣятельности комитета по необходимости изъ узкихъ рамокъ выходитъ и предъявляетъ дѣятелямъ массу всякой работы, удовлетворительная реализація которой немыслима для маленькой группы лицъ. Самый лучшій по своему составу комитетъ, если только онъ не хочетъ отказаться отъ своей централистической формы организаціи, при которой все, начиная съ пустяка и кончая самыми сложными предпріятіями должно пройти черезъ комитетъ, неминуемо сядетъ на мель. Естественно, что при такой постановкѣ дѣла, комитеты вызываютъ неудовольствіе въ лучшей части рабочихъ и интеллигенціи, остающихся за бортомъ комитетской дѣятельности.

Если среди рабочихъ есть элементы, способные руководить движеніемъ, если за бортомъ существующихъ централистическихъ организацій стоятъ въ бездѣйствіи интеллигентныя силы, то почему же онѣ—эти силы, могутъ меня спросить, не становятся руководителями движенія, почему онѣ уступаютъ свое законное право руководить нашимъ рабочимъ движеніемъ какому то централистическому комитету, состоящему изъ 3-4 или 5-ти лицъ? Почему не допустить въ данномъ случаѣ предположенія, что такихъ силъ внѣ комитетовъ совсѣмъ нѣтъ, или что эти силы по своему качеству и количеству представляютъ собою незначительную во всѣхъ — интеллектуальномъ, моральномъ и другихъ — отношеніяхъ величину, которыя по естественному закону выживанія болѣе приспособленныхъ, уступаютъ руководящую роль комитетамъ?

Всѣ эти вопросы и предположенія, безусловно резонные и логичные по отношенію къ какому бы то ни было народному движенію на Западѣ или въ другихъ свободныхъ странахъ, у насъ въ Россіи теряютъ подъ собою свои логику и резонъ. Что не возможно въ западно-европейскомъ или американскомъ рабочемъ движеніи, гдѣ свобода ассоціацій, союзовъ, сходокъ, собраній, печати и т. д. даютъ всѣмъ одинаковую возможность развивать и выказывать свой геній и талантъ, гдѣ болѣе сильные, болѣе интеллигентные, энергичные и талантливые всегда оттѣснятъ другихъ, не обладающихъ этими качествами, возможно у насъ въ Россіи, при отсутствіи какихъ бы то ни было свободъ, при молодости нашего рабочаго движенія, и необходимой, вытекающей изъ сказаннаго, конспиративности его, а въ особенности, при еще не умершихъ традиціяхъ интеллигентскаго революціоннаго движенія прошлаго, традиціи, которыя всегда какъ то пугаютъ нашихъ «интеллигентовъ», *«какъ бы рабочіе не измѣнили порядковъ»*, — при такихъ условіяхъ, комитеты наши могутъ состоять по случайности изъ

самыхъ выдающихся людей даннаго города или мѣстности, но чаще всего бываетъ обратное. Достаточно пріѣхать какому нибудь студенту или студенткѣ изъ заграницы, знакомымъ съ рабочимъ движеніемъ по рефератамъ и брошюрамъ, съ самымъ мизернымъ умственнымъ и практическимъ багажемъ, снабженнымъ связью съ какой нибудь революціонной заграничной организаціей, — и, увѣряю васъ, они гораздо скорѣе попадутъ въ комитетъ, чѣмъ работающіе на мѣстѣ люди, по своему внутреннему содержанію и цѣнности для дѣла неизмѣримо выше ихъ стоящіе.

Если централистическая организація вообще несовмѣстима съ нашими демократическими идеями, если она никогда не можетъ быть въ состояніи руководить какъ слѣдуетъ массовымъ рабочимъ движеніемъ, будь даже централисты семи пядей во лбу даже въ «мирное» время пропаганды и агитаціи, то безсиліе такой организаціи проявляется особенно въ моменты бурныхъ массовыхъ волненій. Иллюстраціей сказаннаго могутъ служить недавнія событія, розыгравшіяся на югѣ Россіи. Нашимъ комитетамъ, — какъ «имѣетъ мужество признать громко и открыто» Искра, — «руководство «всеобщими стачками» (кавычки «Искры», хотя не знаю зачѣмъ онѣ понадобились ей. Она какъ видно смѣется надъ мнимою ихъ «всеобщностью») принадлежало далеко не въ той степени, въ какой это желательно и необходимо». Руководство колоссальнымъ этимъ движеніемъ не только не принадлежало комитетамъ въ той степени, какъ это было бы желательно, — «да будетъ у насъ мужество громко и открыто сказать», но большею частью комитеты даже не знали, что дѣлается въ массѣ. Для Одесскаго и Бакинскаго комитетовъ событія эти явились такой же неожиданностью, какъ для большинства русской революціи, живущей заграницей. Интересна въ этомъ отношеніи характеристика нашихъ организацій «Освобожденіемъ». *) «Эти организаціи, — говорится въ этой статьѣ, — безъ сомнѣнія много потрудившіяся и много сдѣлавшія въ интересахъ подъема сознанія рабочихъ массъ, на этотъ разъ оказались позади движенія и потому были безсильны руководить имъ. Особенно рѣзко сказалось это обстоятельство въ Одессѣ, одно время оказавшейся совершенно во власти рабочихъ. Казалось, что революція уже произведена, но вожаки движенія не имѣли времени обдумать, что надо дѣлать на другой день послѣ революціи, и всѣ плоды блестящей побѣды были сорваны вражьей рукой. Въ Баку, почти наканунѣ всеобщей стачки, комитетъ рѣшаетъ не поднимать о ней вопроса «*въ виду ея невозможности*». *) Въ Николаевѣ комитетъ пытается отсрочить движеніе до болѣе благопріятнаго момента. Но рабочіе — о, какой ужасъ! Полнѣйшее отсутствіе дисциплины! — не получивъ приказанія свыше начинаютъ дѣйствовать заранѣе, не считаясь съ желаніемъ «партійнаго *рабочаго* комитета»

*) См. № 5 (1903 г.) «Іюльскіе дни въ Россіи».

Обвинять южные комитеты въ бездѣятельности не станемъ, не скажемъ мы также, что они могли бы сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлали во время этихъ событій. Одесскій комитетъ выпустилъ не меньшее число листковъ и прокламацій къ рабочимъ, чѣмъ въ славные дни ростовскихъ событій комитетъ ростовскій. На митингахъ одесскихъ говорило несравненно большее — насколько мы судимъ по сообщеніямъ революціонныхъ органовъ — число ораторовъ, чѣмъ на массовыхъ сходкахъ въ Ростовѣ. Но дѣятельность ростовскаго комитета происходила при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ. Мы съ увѣренностью можемъ сказать, что если бы въ Ростовѣ выступили противъ комитета хорошо организованные «независимцы», то революціонеры имѣли бы тамъ меньшее еще вліяніе, чѣмъ въ Одессѣ. Въ то время, какъ большинство ораторовъ изъ революціонеровъ не имѣло ранѣе обдуманнаго плана дѣйствія, въ то время, какъ ораторы эти и вожаки, нужно полагать, принадлежали къ революціоннымъ «организаціямъ» различныхъ толковъ и фракцій, (которыхъ, между прочимъ, въ Одессѣ столько, сколько революціонеровъ), имъ приходилось бороться за вліяніе на рабочую массу съ «независимцами», которые, какъ это видно изъ документовъ, опубликованныхъ на страницахъ «Револ. Россіи» и «Освобожденія», являлись какъ нельзя лучше организованными, а потому и сильными.

*) Подчеркнуто мною. Б.

Массовыя волненія, какія имѣли мѣсто на югѣ, не создаются часами. Нужно стоять на довольно таки значительномъ разстояніи отъ рабочей массы, чтобъ ихъ не предвидѣть, чтобы «не поднимать о нихъ даже вопроса, *въ виду ихъ невозможности*», какъ увѣренно заявляетъ объ этомъ бакинскій комитетъ. При организаціи, которая охватила бы не десятки лицъ, а насколько возможно шире при нашихъ условіяхъ рабочую массу, этого никогда бы не случилось. Только при теперешнихъ организаціяхъ съ ихъ централизмомъ, вожаки которыхъ какъ бы помѣшаны на диктаторствѣ, (замѣтимъ мимоходомъ, что не только Наполеоновъ, но даже Робеспьеровъ среди вожаковъ этихъ очень мало), видящихъ во всякой самостоятельной личности претендента на власть, допустимо существованіе въ Одессѣ массы фракцій, организацій, группъ, въ сущности, очень мало другъ отъ друга отличающихся, вся дѣятельность которыхъ сосредоточивается на безплодной борьбѣ за преобладаніе между собою. При такомъ положеніи дѣлъ, переживаемомъ въ болѣе или менѣе сильной степени почти вездѣ, удивительно было бы, если наши комитеты не оставались бы позади рабочаго движенія, какъ это мы видимъ теперь.

Теперешняя форма организаціи пережила самое себя. Намъ необходимо радикально ее измѣнить и такимъ образомъ, чтобъ она могла вполнѣ удовлетворить потребностямъ разросшагося до большихъ размѣровъ рабочаго движенія.

Дѣятельность наша въ настоящее время въ высшей степени серьезна и трудна. Мы должны создать изъ имѣющихся въ нашей рабочей массѣ элементовъ соціалдемократическую *рабочую* партію, (но не на комитетскомъ только штемпелѣ, какъ это было до сихъ поръ, а въ самой, что ни на есть дѣйствительности). Мы должны объединить весь рабочій классъ въ Россіи одними и тѣми же политическими — въ соціалдемократическомъ понятіи слова — идеями и стремленіями; мы должны являться авангардомъ всякаго демократическаго движенія, а своей сплоченностью и силой занять первое мѣсто въ странѣ, — вотъ великая задача международнаго пролетаріата вообще и русскаго въ частности.

Демократизмъ въ нашихъ организаціяхъ многими «товарищами» оспаривается на томъ будто бы основаніи, что проведеніе этого принципа при нашихъ полицейскихъ условіяхъ — несбыточная мечта, во вторыхъ, что будто бы демократизмъ такого рода всегда связанъ съ злополучнымъ «экономизмомъ», и, что, наконецъ, такая форма организаціи громоздка и неповоротлива.

Само собою разумѣется, что возраженіе о невозможности проведенія при нашихъ политическихъ условіяхъ этого принципа было бы самымъ вѣскимъ, если это можно было бы доказать. Конечно, мы соглашаемся, что полный демократизмъ, какой мы видимъ у рабочихъ свободныхъ странъ, у насъ вещь невозможная. Но не слѣдуетъ усугублять трудность проведенія демократизма тамъ, гдѣ онъ *возможенъ* и по скольку его *можно* провести.

Когда мы хотимъ изучать какой нибудь вопросъ рабочаго движенія, то лучшимъ источникомъ его изученія будутъ тѣ страны, въ которыхъ рабочее движеніе насчитываетъ за собою десятки лѣтъ существованія. Исторія пролетарскаго движенія всѣхъ странъ показываетъ намъ какими усиліями, какой самоотверженной борьбой обошлась цѣна теперешнихъ отлично организованныхъ и сознательно дисциплинированныхъ рабочихъ армій. Имъ также приходилось бороться при условіяхъ ничуть не отличающихся отъ нашихъ современныхъ. И у нихъ бывали времена, когда вся ихъ дѣятельность признавалась незаконной и преслѣдовалось также энергично, какъ и русскимъ самодержавнымъ правительствомъ. Такой моментъ, напримѣръ, переживала германская соціалдемократія въ теченіе 12-тилѣтняго дѣйствія закона о соціалистахъ.

Закономъ этимъ запрещались союзы, собранія, брошюры и газеты, въ которыхъ обнаруживается соціалдемократическія, соціалистическія или коммунистическія стремленія, и запрещался сборъ денегъ на подобныя цѣли. Въ мѣстностяхъ, гдѣ обнаруживаются соціалистическія тенденціи, властями можетъ быть введено осадное положеніе, при которомъ:

1) Собранія могутъ происходить только съ разрѣшенія полиціи.

2) Запрещается распространеніе печатныхъ вещей въ публичныхъ мѣстахъ — улицахъ, площадяхъ и т. д.

3) Лица опасныя для общественнаго спокойствія могутъ быть высылаемы административнымъ порядкомъ.

4) Запрещается ношеніе и держаніе на дому оружія.

Какъ видите, читатель, порядки чисто русскіе. Если бъ это было не 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, то мы, невольные подданные русскаго царя, обвинили бы германское имперское правительство въ плагіатѣ, въ простомъ копированіи нашихъ «самобытныхъ» порядковъ.

Законъ этотъ, конечно, не остался на бумагѣ, а напротивъ, былъ использованъ врагами рабочаго класса съ подобающимъ рвеніемъ защитниковъ «собственности, государства, семьи и нравственности». За время его существованія имперское правительство неутомимо дѣйствовало, разсыпая удары по партіи въ самыя чувствительныя мѣста направо и налѣво. «Періодическая и неперіодическая литература партіи, ея 42 политическія и 14 профессіональныхъ газетъ, всѣ агитаціонныя брошюры и громадное число союзовъ — все это было запрещено и закрыто. Всего въ теченіе господства исключительнаго закона (1878—90) было запрещено 115 періодическихъ, 1200 неперіодическихъ печатныхъ произведеній. На основаніи осаднаго положенія, тяготѣвшаго надъ Берлиномъ, Гамбургомъ, Лейпцигомъ, Франкфуртомъ н/М. и т. д., было изгнано 1900 лицъ, а 1500 человѣкъ попало въ тюрьму на основаніи того же исключительнаго закона». *)

Какъ же приспособилась германская соціалдемократія къ этимъ исключительнымъ условіямъ и въ какія формы вылились ея организаціи?

Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ вторая половина вопроса, а именно: въ какія формы вылились ея организаціи?

На этотъ вопросъ намъ могутъ отвѣтить свѣдѣнія, исходящія изъ полицейскихъ круговъ Германіи, и приведенныя нами по выпискѣ Прокоповича изъ нѣмецкихъ источниковъ въ его книгѣ «Рабочее движеніе на Западѣ» (стр. 137).

*) Геркнеръ, «Рабочій трудъ въ Западной Европѣ».

«Начало новой организаціи было положено Бебелемъ въ Лейпцигѣ. Задачею былъ сборъ денегъ для потерявшихъ средства къ существованію товарищей. Эти деньги нужно было собирать и раздавать. Нужна была отчетность, нужны были повѣренныя лица. Въ большихъ городахъ Германіи былъ основанъ цѣлый рядъ комитетовъ, ставшихъ во главѣ дѣла. Послѣ основанія новой газеты въ Цюрихѣ — «Соціалдемократъ», 28 сентября 1879 г., къ задачѣ сбора денегъ прибавилась новая: распространеніе запрещенной въ Германіи литературы. Наконецъ, послѣ конгресса въ Винсенскомъ замкѣ (1880 г.; Швейцарія), когда началось «собираніе» партіи, эта тайная организація служила для агитаціи, выборовъ и т. п. Въ этой тайной организаціи участвовала главнымъ образомъ молодежь. Въ каждомъ городѣ была устроена своя особая организація, — болѣе широкія не удавались и признаны были неудобными. Въ каждой части города устраивался обыкновенно изъ надежныхъ людей клубъ, имѣющій не болѣе 10 членовъ. Всѣ клубы одного города посылали представителей въ мѣстный комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 7—11 человѣкъ. Главныхъ должностей въ комитетѣ были три — секретарь для сношенія съ центральнымъ управленіемъ партіи, кассиръ, завѣдующій сборомъ и выдачею денегъ, экспедиторъ, завѣдующій распространеніемъ летучихъ листковъ, брошюръ, газетъ. И клубы, и комитетъ собирались разъ въ недѣлю. *Постановленія принимались клубами*, комитетъ являлся лишь *исполнительнымъ органомъ*. Иногда происходили такъ называемыя corpora — собранія, т. е. собранія in corpore всѣхъ членовъ клуба подъ открытымъ небомъ. На этихъ же организаціяхъ лежало подготовленіе выборовъ, назначеніе кандидата, распространеніе летучихъ листковъ...»

Изъ приведеннаго нами примѣра изъ исторіи германской соціалдемократіи видно, какъ не правы тѣ кто утверждаетъ, что при нашихъ политическихъ условіяхъ возможна только одна организація — централистическая. Изъ цифръ этого примѣра видно, что руководило движеніемъ не 5-6, а нѣсколько десятковъ

лицъ, и если принять комитетскую высшую цифру въ 11 человѣкъ, тогда можно предположить, что въ клубахъ, которыми *принимались всѣ постановленія и рѣшенія* одного только города могло быть *по сто и больше* человѣкъ. Конечно, демократизмъ здѣсь не полный и до конца не доведенный, — онъ начинается только съ клубовъ, а не ведетъ свое начало въ рабочей массѣ. Но, понятно, что при полицейскихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ проведеніе демократическаго принципа до конца — вещь невозможная. Ниже я докажу на примѣрѣ изъ екатеринославскаго рабочаго движенія, что большая или меньшая демократичность нашихъ организацій вещь вполнѣ достижимая.

Болѣе чѣмъ странное представленіе, по которому демократизмъ въ организаціи необходимо связанъ съ вышедшимъ изъ моды и заѣзжаннымъ въ конецъ «экономизмомъ», выводится изъ того факта, какъ часто приходится слышать, что въ Петербургѣ де во время господства «экономизма» существовала эта форма организаціи. Не говорятъ они, что демократизмъ, какъ таковой не можетъ ужиться съ широкой политической дѣятельностью организаціи, не утверждаютъ потому, что этого-то доказать нельзя, а приводится фактъ, что въ Петербургѣ демократическая организація занималась узко-экономической дѣятельностью.

На это можно возразить во-первыхъ, тѣмъ, что было такое время, когда противники демократической формы организацій, будучи ярыми «экономистами» въ прошломъ, однако и тогда оставались такими же централистами *), какъ и теперь, будучи «политиками», а во-вторыхъ, намъ извѣстны такія мѣста (укажемъ, хотя бы на тотъ же Екатеринославъ), гдѣ демократизмъ въ организаціи не мѣшалъ послѣдней заниматься самой широкой политической агитаціей и пропагандой.

Что же касается аргумента, что демократическія организаціи тяжелы на подъемъ, громоздки и неповоротливы, то такого рода аргументъ въ устахъ соціалистовъ совсѣмъ неумѣстенъ. Побѣдоносцевъ въ своемъ извѣстномъ «Московскомъ сборникѣ» и вообще

*) Отсылаемъ читателя къ цитированному нами очерку петербургскаго рабочаго движенія. «Жизнь» №№ 4 и 5.

интернаціональные монархисты въ своихъ доказательствахъ преимущества деспотіи или единодержавія передъ демократіей, постоянно прибѣгаютъ къ этому аргументу. Но если послѣдній имѣетъ извѣстную цѣну въ устахъ Побѣдоносцева и К°, то для соціалдемократа онъ теряетъ всю свою силу и пользоваться имъ даже *стыдно*.

Допустимъ, что демократическая форма организаціи имѣетъ свои слабыя стороны, допустимъ даже, что этихъ слабыхъ мѣстъ въ послѣдней гораздо больше, чѣмъ въ какой бы ни было другой организаціи, но и тогда мы должны были бы стоять за демократичность организаціи, если мы имѣемъ въ виду не *заговорщицкую* дѣятельность, а *массовое* рабочее движеніе. Внѣ же массового рабочаго движенія есть «*организація революціонеровъ*», «*Боевая организація*», словомъ, все, что только душѣ угодно, но не соціалдемократическая рабочая партія.

Но въ дѣйствительности никакая другая организація не имѣетъ столько положительныхъ сторонъ, какъ демократическая. При ней и только при ней болѣе талантливыя, болѣе дѣятельныя и любимыя массой (я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ организаціонную массу) личности всегда будутъ стоять во главѣ дѣла, только при такомъ типѣ организаціи можетъ развиваться самодѣятельность ея членовъ; въ такой организаціи невозможно дѣленіе ея членовъ на привиллегированныхъ, владѣющихъ всѣми правами и безправныхъ, имѣющихъ однѣ только обязанности, на интеллигентовъ и рабочихъ, какъ это мы видимъ теперь, и, что въ особенности важно, 3-4 человѣка не будутъ нести на себѣ отвѣтственности за дѣятельность всей организаціи: при неудачѣ не скажутъ, что виновниками ея являются «комитетчики», а будутъ выискивать причину этой неудачи въ самихъ себѣ. А вѣдь это лучшее средство уничтоженія самыхъ непріятныхъ и несимпатичныхъ сторонъ теперешняго антагонизма между рабочими и интеллигенціей.

Для иллюстраціи сказаннаго я приведу примѣръ нагляднаго примѣненія демократизма въ организаціи, — я говорю объ екатеринославскомъ рабочемъ движеніи лѣта 1901 г.

Послѣ долгаго затишья, тянувшагося съ осени

предшествующаго года до мая, за какіе нибудь три мѣсяца Екатеринославъ успѣлъ обзавестись новой организаціей и такъ поставить дѣло, что ему, пожалуй, могли позавидовать многіе изъ нашихъ большихъ промышленныхъ городовъ. Въ это время сюда съѣхались революціонеры со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними было нѣсколько человѣкъ интеллигентныхъ рабочихъ. Мѣстные рабочіе, среди которыхъ было солидное число въ полномъ смыслѣ слова сознательныхъ личностей, не были лишены того антагонистическаго настроенія къ интеллигенціи, которое уже въ то то время сдѣлалось повсемѣстнымъ явленіемъ. Въ рабочихъ кружкахъ и собраніяхъ говорилось о самодѣятельности рабочихъ, о необходимости чисто рабочей организаціи, не мало говорилось объ интеллигенціи и, понятно, не въ очень лестныхъ для нея выраженіяхъ. Съ іюня мѣсяца начались усиленные переговоры между новообразовавшимся комитетомъ и болѣе интеллигентной частью рабочихъ, и, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а отчасти и удачному комитетскому составу, очень скоро обѣ стороны пришли къ соглашенію. По требованію рабочихъ, комитетъ долженъ былъ выработать такую организацію, которая могла бы развить самодѣятельность рабочихъ, обезпечить движеніе интеллигентными личностями изъ рабочей среды, а въ особенности, чтобъ комитетъ руководствовался въ своей дѣятельности широкой политической программой.... И въ августѣ мѣсяцѣ былъ уже выработанъ уставъ организаціи. Между прочимъ, выработали его сами ремесленники и съ нѣкоторыми измѣненіями и незначительными поправками онъ былъ принятъ, какъ комитетомъ, такъ и заводскими рабочими.

Уставъ этотъ дѣлится на двѣ части. Въ первой своей части говорится объ отношеніяхъ члена къ организаціи, а во второй, о внутреннемъ ея устройствѣ. Уставъ въ высшей степени интересный. Содержаніе его какъ нельзя лучше показываетъ, чего хотѣли лучшіе изъ представителей екатеринославскаго рабочаго движенія, а успѣшное его примѣненіе въ жизни убѣдитъ насъ, что демократическая организація вполнѣ возможна.

По этому уставу уничтожалась профессіонально-цеховая организація, признанная имъ вредной, въ

смыслѣ той узости, въ которой она воспитываетъ рабочихъ и вмѣсто нея ставилась организація *соціалистически-революціонная*. Это явилось результатомъ борьбы двухъ теченій, узкаго «экономизма» съ одной стороны и «политики» — съ другой. Для читателя незнакомаго съ исторіей первыхъ фазисовъ нашего рабочаго движенія намъ необходимо сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы указать, чѣмъ руководствовались екатеринославскіе рабочіе, замѣняя старую организацію новой.

Два-три года тому назадъ вездѣ и еще теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, форма организаціи была профессіональная или цеховая. Рабочіе организовывались по ремесламъ. Если просмотрѣть цѣлый рядъ уставовъ этихъ организацій различныхъ городовъ, то первое, что намъ бросится въ глаза — это поразительное сходство ихъ содержанія, несмотря на то, что время ихъ появленія нужно отнести къ тому періоду, когда объ организаціонныхъ сношеніяхъ между городами не могло быть и рѣчи. Уставы эти сшиты какъ бы по одному шаблону. Во всѣхъ ихъ указывается, что главная цѣль организаціи — борьба съ хозяевами, а главнымъ средствомъ борьбы является стачка. Еще одинъ-два параграфа, гдѣ говорится о противоположности интересовъ хозяина и рабочаго; параграфъ, объясняющій конспиративность организаціи — и это все содержимое этихъ уставовъ. О политической борьбѣ рабочаго класса, о соціализмѣ вы тамъ ничего не найдете. Можно себѣ представить по содержанію уставовъ, какой минимальный интеллектуальный цензъ предъявлялся вступающему въ эти организаціи.

Состоя членомъ цеха, рабочій настолько входилъ въ узкія цеховыя мелочи, настолько бывалъ занятъ передрягами между рабочимъ его цеха, скажемъ, Петромъ и хозяиномъ его Иваномъ, что лучшіе изъ нихъ мало отличали рабочее дѣло отъ дѣла своего цеха. Во времена господства «экономизма», который, кстати сказать, особенно глубокіе корни пустилъ среди еврейскихъ ремесленниковъ, въ лицѣ профессіональныхъ организацій мы имѣли реставрированные средневѣковые цеховые союзы. Но когда «экономизмъ» подъ напоромъ новыхъ событій и вѣяній палъ, когда даже въ массѣ рабочихъ, которая и понынѣ весьма далеко

стоитъ отъ комитетовъ, рѣдко можно натолкнуться на такихъ экземпляровъ, которымъ бы не были извѣстны убогія истины уставовъ, цеховой духъ въ организаціяхъ необходимо было уничтожить. Болѣе прозорливые изъ революціонеровъ поняли, что серьезный поворотъ въ нашей практической дѣятельности требуетъ измѣненія отжившей формы организаціи. Новое содержаніе требовало и новыхъ формъ. Поняли они, что при общемъ поднятіи сознанія широкихъ рабочихъ массъ отъ руководителей требуется уже ясное понятіе тѣхъ цѣлей, которыя себѣ ставитъ организація, что послѣдняя должна состоять изъ личностей, по своему развитію стоящихъ гораздо выше массы. Это, конечно, не значитъ, что избранники эти должны замкнуться въ кружкахъ саморазвитія и совершенно оторваться отъ массы, какъ это наблюдалось во 80-хъ годахъ. Дѣлается это съ цѣлью, чтобъ хорошо дисциплинированный соціалдемократическимъ сознаніемъ отрядъ, который одинъ только долженъ быть руководителемъ рабочаго движенія, не былъ бы деморализованъ элементами мало подготовленными для такой отвѣтственной роли. Вотъ чѣмъ руководствовался екатеринославскій комитетъ лѣтомъ 1901 г., когда рѣшилъ покончить съ цеховой организаціей.

Одинъ изъ первыхъ параграфовъ устава гласилъ, что членомъ организаціи можетъ быть всякій, кто ясно въ большей или меньшей степени созналъ цѣли и стремленія международной соціалдемократіи. При этомъ само собой разумѣлась зарекомендованная политическая честность вступающаго лица. *)

Я остановлюсь раньше на первой его части, гдѣ говорится о внутреннемъ устройствѣ организаціи. Основой ея, или какъ тамъ говорилось «ячейкой организаціи»—является пропагандистскій кружокъ, состоящій не менѣе какъ изъ 5-6 и не больше, по конспиративнымъ соображеніямъ, 8 человѣкъ. Кружки, по степени развитія членовъ въ нихъ входящихъ, трехъ

*) Я считаю необходимымъ предупредить читателя, что я не дословно привожу параграфы изъ этого устава, такъ какъ, къ сожалѣнію, его нѣтъ у меня подъ рукой. Въ свое время онъ былъ отгектографированъ, по конспиративнымъ соображеніямъ, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

разрядовъ — низшій, средній и высшій. Члены третьяго разряда могутъ объединяться въ кружки саморазвитія, но они должны быть соціалистическими. Каждый членъ организаціи долженъ принадлежать къ какому-нибудь изъ такихъ кружковъ. Такой основой организаціи, какъ пропагандистскій кружокъ, разрѣшался самимъ собой вопросъ о пропагандѣ, плохая постановка которой очень часто вызывала недовольство рабочихъ комитетами. Внѣ пропагандистскаго кружка не существовало члена организаціи. Такая постановка дѣла вытекала изъ желанія обезпечить рабочее движеніе хорошо подготовленными руководителями изъ среды самихъ рабочихъ. Весь городъ дѣлится уставомъ на 6-7 районовъ. Каждая районная организація въ своихъ дѣлахъ вполнѣ автономна. Она вправѣ выпускать листки къ рабочимъ своего района, самостоятельно вести агитацію и пропаганду въ предѣлахъ его и самостоятельность эта доходитъ до того, что районая организація можетъ объявить общую стачку всему своему району. Дѣлами района руководитъ ядро. Подъ ядромъ здѣсь разумѣется собраніе самыхъ активныхъ и интеллигентныхъ рабочихъ даннаго района. Такъ какъ число интеллигентныхъ рабочихъ, благодаря постоянному притоку силъ изъ другихъ городовъ и хорошей постановкѣ пропаганды неминуемо должно рости, то ядро неограничено въ числѣ. Для того, чтобы войти въ ядро необходима рекомендація не меньше четырехъ членовъ ядра и нужно обладать, въ зависимости отъ состава ядра, довольно значительнымъ интеллектуальнымъ цензомъ.

Въ виду того, что ядру, состоящему изъ большого количества членовъ, не возможно было бы при нашихъ полицейскихъ условіяхъ часто собираться, и, вообще, чтобы придать организаціи больше гибкости ядромъ на три мѣсяца избирается центръ, состоящій изъ пяти-шести человѣкъ. Центръ руководитъ всѣми дѣлами района. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ со дня его избранія происходитъ собраніе ядра, которому центръ даетъ отчетъ о своей трехмѣсячной дѣятельности. Если большинство ядра остается довольнымъ дѣятельностью центра, послѣдній въ полномъ своемъ составѣ остается у дѣла до слѣдующаго собранія ядра, въ противномъ случаѣ выбирается но-

вый. Объединяетъ же всѣ эти районы въ единое цѣлое и руководитъ дѣлами, касающимися всего екатеринославскаго рабочаго движенія, комитетъ. Напримѣръ, районные центры не имѣютъ права выпускать листки общаго характера, призывать рабочихъ къ демонстраціи и, вообще, дѣлать то, что выходитъ изъ рамокъ его районной дѣятельности. Все это дѣлается комитетомъ. Такъ какъ каждое печатное произведеніе, выпускаемое центрами, должно выходить за комитетской печатью, то право послѣдней редакціи принадлежитъ комитету. Связь же между комитетомъ и районными центрами выражается въ томъ, что представители перваго входятъ въ центры, а представители вторыхъ — въ комитетъ. Комитетъ состоитъ изъ членовъ центра, выбранныхъ по одному каждымъ изъ нихъ и приглашенныхъ комитетомъ лицъ, но послѣднихъ не должно быть больше выбранныхъ. Центръ также имѣетъ право приглашать двухъ-трехъ лицъ, если это найдетъ необходимымъ. — Здѣсь приведены существенныя мѣста изъ второй части устава.

Въ первой его части особенно интересенъ параграфъ, обязующій каждаго члена организаціи при допросахъ жандармеріи держаться системы, рекомендуемой въ брошюрѣ Бахарева «Какъ держать себя на допросахъ», — все отрицать, а тамъ, гдѣ это представляется невозможнымъ, совсѣмъ отказываться отъ дачи показаній; не выполняющіе этого параграфа исключаются изъ организаціи, а если своимъ поведеніемъ на допросѣ повредили послѣдней, пропечатываются предателями въ «Южномъ рабочемъ». Не менѣе интересенъ параграфъ, обязующій каждаго члена организаціи, исполнять приказанія высшихъ ея учрежденій.

По приведеннымъ мѣстамъ устава можно имѣть извѣстное представленіе объ екатеринославской организаціи второй половины 1901 и начала 1902 гг.

Съ этой организаціей екатеринославскій комитетъ въ короткое время успѣлъ очень много сдѣлать для развитія самосознанія пролетаріевъ этого города. Прошло три мѣсяца со времени проведенія этихъ реформъ, и отношеніе рабочихъ къ интеллигенціи настолько успѣло измѣниться, что параграфъ устава, въ силу котораго членомъ ядра могъ быть только рабочій, на общемъ собраніи ремесленнаго ядра, которое, кстати

сказать, по своему интеллигентному составу рабочихъ, задавало тонъ всему екатеринославскому рабочему движенію, былъ проваленъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, — и съ тѣхъ поръ интеллигентъ входилъ въ ядро на тѣхъ же правахъ, какъ и рабочій.

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, новая форма организаціи съ мая мѣсяца прошлаго года значительно уклонилась отъ демократическаго принципа, положеннаго краеугольнымъ камнемъ ея основателями. Объясняется это тѣмъ, что большинство интеллигентныхъ рабочихъ и лучшія личности изъ интеллигенціи были вырваны изъ рядовъ борющагося въ Екатеринославѣ пролетаріата нашими башибузуками. Екатеринославское рабочее движеніе особенно сильно пострадало, во время декабрскихъ и мартовскихъ набѣговъ упомянутой орды, болѣе, чѣмъ когда-нибудь раньше.

Характерно, что при громадномъ числѣ арестованныхъ не нашлось ни одного предателя, ни одного провокатора; всѣ держались безукоризненно. Правда, какой-то семинаристъ оговорилъ двухъ-трехъ изъ арестованныхъ уже лицъ, но онъ въ прямыхъ отношеніяхъ къ организаціи не состоялъ.

Мы этимъ не хотимъ сказать, что приведенная форма организаціи есть совершенно законченный идеалъ таковой, и только по ней должны организовываться рабочіе всѣхъ городовъ. Въ зависимости отъ различныхъ условій мѣста, зрѣлости даннаго рабочаго движенія, полицейскихъ условій города и т. п. обстоятельствъ она можетъ измѣняться въ ту или другую сторону, имѣть тѣ или другія отклоненія. Но руководящимъ принципомъ соціалдемократической организаціи должна быть самодѣятельность рабочихъ, стремленіе выдвинуть изъ рабочей массы насколько возможно больше интеллигентныхъ и активныхъ личностей, способныхъ въ будущемъ стать руководителями рабочаго движенія, — словомъ, имѣть всегда передъ глазами лозунгъ международнаго пролетаріата: «дѣло рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ».

Антагонизмъ между рабочими и интеллигенціей существуетъ. Его существованіе есть неоспоримый

фактъ. Мы его находимъ не только въ нашемъ молодомъ рабочемъ движеніи, но и въ рабочемъ движеніи Запада. Какъ у насъ, такъ и тамъ явленіе это обусловливается одинаковыми причинами. И въ Россіи и во всей Западной Европѣ разросшееся пролетарское движеніе привлекло въ свои ряды значительную часть буржуазной интеллигенціи. Послѣдняя, занимая самые отвѣтственные посты въ рабочемъ движеніи, оказываетъ на него очень сильное вліяніе. Не освободившись окончательно отъ своего буржуазнаго воспитанія, связанная съ буржуазіей тысячью нитей, какъ матеріальными такъ и духовными, она являетсявесьма опаснымъ элементомъ для пролетарскихъ классовыхъ интересовъ. Опасность эта заключается въ ея усиліяхъ, какъ въ теоріи такъ и въ практической ея дѣятельности, оскопить во что бы то ни стало революціонность рабочаго движенія и направить его путемъ различныхъ реформъ въ русло примиренія съ существующимъ капиталистическимъ строемъ. Характернѣе чѣмъ гдѣ-либо явленіе это сказывается въ Германской соціалдемократіи. Дрезденскій съѣздъ показалъ всѣмъ, кто только слѣдилъ за нимъ, какая опасность угрожаетъ пролетаріату со стороны этой интеллигенціи. «Искра» въ № 49, въ хвалебной статьѣ, посвященной «революціонному» съѣзду, «Красный съѣздъ въ красной странѣ», между прочимъ говоритъ: «*По правдѣ сказать*, (курс. мой. Б.) мы думаемъ, что дрезденскій съѣздъ былъ въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ, для ослабленія практическаго вліянія ревизіонистовъ»... Вопросъ о ревизіонистахъ, проще, *интеллигентахъ буржуяхъ*, и о позиціи, которую они занимаютъ въ нѣмецкой рабочей партіи «Искра» считаетъ вопросомъ сложнымъ, котораго постановленіемъ съѣзда разрѣшить нельзя. «Дѣло въ томъ, что рабочій классъ не можетъ обойтись безъ услугъ такъ называемыхъ въ Германіи *академиковъ*, — по нашему *интеллигенціи*. Но нѣмецкая интеллигенція сильно пропитана *буржуазнымъ духомъ*. Даже тѣ «академики», которые разрываютъ съ господствующими классами и переходятъ на сторону *пролетаріата*, по большей части приносятъ съ собою не малый запасъ *буржуазныхъ предразсудковъ*. А такъ какъ ихъ образованіе даетъ имъ возможность занимать въ партіи вліятельное положеніе агитаторовъ, публицистовъ, редакторовъ и т. п., то и выходитъ, что унтеръ-офицерскія и офицерскія мѣста въ рабочей арміи очень часто принадлежатъ именно *ревизіонистамъ*. Это прекрасно выяснилось на дрезденскомъ съѣздѣ. Но тамъ же выяснилось и то отрадное для всякаго революціонера обстоятельство, что между тѣмъ какъ офицеры и унтеръ-офицеры великой арміи труда сочувствуютъ ревизіонизму, ея рядовые, — организованные рабочіе въ полномъ смыслѣ этого слова, — въ своемъ огромнѣйшемъ большинствѣ стоятъ за революціонную тактику и рѣзко осуждаютъ ревизіонизмъ со всѣми его буржуазными симпатіями». Въ приведенныхъ немногихъ строкахъ «Искра» очень ясно высказалась по вопросу, послужившему темой настоящей брошюры. Антагонизмъ между рабочими и интеллигенціей — есть антагонизмъ между *революціонными стремленіями* пролетаріата съ одной стороны и *буржуазными тенденціями* извѣстнаго рода интеллигенціи — съ другой. Высказавъ это правильное сужденіе, «Искра» спѣшитъ съ оговоркою, что все сказанное имѣетъ отношеніе къ западно-европейской соціалдемократіи вообще и нѣмецкой въ частности, но что у насъ все обстоитъ благополучно, «такъ какъ наша интеллигенція несравненно революціоннѣе нѣмецкой».

Нѣтъ никакого основанія утверждать, что нашему пролетаріату не угрожаетъ та же опасность, что и западно-европейскому. Болѣе того, русскія условія таковы, что дѣятельность такой интеллигенціи можетъ имѣть больше успѣха, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. При широкомъ политическомъ движеніи противъ существующаго политическаго режима, движенія охватывающаго почти всѣ слои населенія Россіи, необходимо обладать, помимо классового чутья, зрѣлымъ классовымъ сознаніемъ, чтобы умѣть отличать враговъ отъ друзей. Пролетаріату нашему, этой единственной силѣ, способной вступить въ рукопашную съ самодержавіемъ, естественно притягивать къ себѣ всѣ оппозиціонныя силы страны. Но не слѣдуетъ забывать, что девизъ «долой самодержавіе» въ малосознательныхъ массахъ пролетаріата смѣшивается съ понятіемъ *болѣе глубокимъ и революціоннымъ*, чѣмъ онъ въ дѣйствительности содержитъ. Всѣ, кто вы-

ставляетъ на своемъ знамени это политическое требованіе по одному тому уже кажутся этимъ массамъ близкими и родными.

Если на Западѣ буржуазныя поползновенія «академиковъ», встрѣчающія сильный отпоръ въ организованной рабочей массѣ, все же увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ, то что можно сказать о Россіи, гдѣ пролетаріатъ по своему классовому сознанію, культурности и организованности стоитъ гораздо ниже европейскаго.

Но если это такъ, если опасность со стороны «академиковъ» такъ велика, если ихъ присутствіе въ рядахъ пролетаріата дѣйствуетъ развращающимъ и деморализующимъ образомъ, то почему, спрашивается, нельзя ихъ выбросить изъ этихъ рядовъ? Неужели пролетаріатъ Западной Европы не достигъ еще такой зрѣлости, чтобы онъ могъ изъ своихъ рядовъ подставлять руководителей для своего освободительнаго движенія? Нѣтъ, этого допустить не хочется... Несомнѣнно, что европейскій пролетаріатъ переживаетъ въ этомъ отношеніи временный кризисъ. Наученный опытомъ онъ въ концѣ концовъ пойметъ, что своего дѣла, помимо самого себя, никому довѣрять нельзя.

Рабочее движеніе есть движеніе классовое въ такой же степени, въ какой стремленія буржуазіи — стремленія классовыя. Предоставить *всецѣло* руководящую роль въ рабочемъ движеніи выходцамъ изъ буржуазіи такъ же вредно для классовыхъ его интересовъ, какъ невыгодно было бы для буржуазіи предоставить эту роль всецѣло выходцамъ изъ другихъ классовъ.

Это совсѣмъ не значитъ, что мы противъ всякой интеллигенціи, ведущей свою родословую не изъ рабочаго класса. Мы только говоримъ, что цѣлый классъ *не можетъ* и *не долженъ* отдавать руководство своимъ дѣломъ кому нибудь другому.

Когда движеніе какого нибудь класса общества прогрессивно, оно притягиваетъ къ себѣ все лучшее, что есть въ данномъ обществѣ. Во время великой французской революціи въ рядахъ буржуазіи мы видимъ борющимися плечо о плечо съ нею противъ феодальнаго дворянства значительное число представителей послѣдняго. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Мирабо

и Лафайэтъ, въ извѣстномъ періодѣ своей дѣятельности, являлись одними изъ первыхъ въ рядахъ борющейся буржуазіи. Но ихъ число ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, сколько борцовъ-руководителей за свою эмансипацію выставило третье сословіе. Лафайэты и Мирабо могутъ оказать и въ дѣйствительности всегда оказывали неоцѣнимыя услуги всякому прогрессивному движенію, ихъ присутствіе и въ нашихъ рядахъ очень желательно, но... на нихъ *однихъ* только надѣяться цѣлому классу нельзя. До тѣхъ поръ, пока рабочее движеніе не выставитъ своихъ руководителей, дѣло пролетаріата не будетъ стоять на должной высотѣ. Сознательность и зрѣлость какого бы то ни было классового движенія можетъ измѣряться однимъ только измѣреніемъ — *его самостоятельностью*. Весьма печально положеніе того войска, которое, не имѣя своихъ полководцевъ ждетъ ихъ появленія изъ вражьяго лагеря.

Намъ необходимо, чтобы во главѣ рабочаго дѣла стояли рабочіе. Не потому, что дѣло соціализма требуетъ высоко нравственныхъ личностей, преданныхъ идеѣ до самопожертвованія, и что такихъ достойныхъ носителей идеи можно найти только среди рабочихъ. Не потому мы это говоримъ, что видимъ въ каждомъ рабочемъ человѣкѣ апостола добра, нравственной чистоты и справедливости. Нѣтъ, не потому, — отдѣльныя личности изъ привиллегированныхъ классовъ не разъ доказали, особенно у насъ въ Россіи, что они скорѣе готовы положить голову свою «за други своя», за интересы рабочаго класа, чѣмъ сами рабочіе. Цѣлый рядъ великихъ именъ нашего революціоннаго движенія подтверждаетъ возможность для отдѣльныхъ личностей отрѣшиться отъ своихъ классовыхъ привиллегій и отдаться всею душою дѣлу страждущихъ и обиженныхъ. Но все же это отдѣльныя личности, единицы, поднявшіяся своей мыслью и чувствомъ выше своихъ матеріальныхъ интересовъ и имѣвшія нравственное мужество и силу перешагнуть черезъ высокую стѣну классовыхъ привиллегій, предѣлъ, выйти изъ котораго для большинства представляется дѣломъ невозможнымъ.

Носителемъ соціалистическихъ идей является для насъ рабочій классъ и только онъ одинъ, потому что

силою естественной необходимости, давящей на него тысячепудовыми гирями, онъ *долженъ* стремиться къ соціализму. *Борьба за существованіе* подсказываетъ этому классу, что ему представляется выборъ одного изъ двухъ путей. Или предоставить все естественному ходу вещей, пассивно, повинуясь року, мириться съ настоящимъ своимъ положеніемъ въ современномъ обществѣ, что значило бы осудить себя и свое потомство на прозябаніе и въ концѣ концовъ на полное физическое и нравственное вырожденіе, или стремиться къ разрушенію существующаго общественнаго строя и къ осуществленію соціалистическаго идеала, что значитъ возродиться къ новой, справедливой и человѣческой жизни.

Международный пролетаріатъ своей неустанной борьбой доказалъ, что имъ избранъ второй путь, путь богатый терніями, усѣянный костьми сотенъ тысячъ пролетаріевъ (вспомните іюньскіе дни 1848 г. во Франціи, парижскую Коммуну въ 1871 г.), но въ концѣ концовъ ведущій къ великой цѣли всего человѣчества — Свободѣ, Равенству и Братству. И чѣмъ ощутительнѣе становится противорѣчіе между положеніемъ его какъ производителя всѣхъ богатствъ капиталистическаго государства съ одной стороны и положеніемъ его какъ потребителя и гражданина — съ другой, чѣмъ сознательнѣе становится его борьба, тѣмъ все ближе приближается его соціальная «развязка».

Вотъ почему программа рабочаго класса (здѣсь не говорится о программахъ *для* рабочихъ) раньше или позже будетъ программой соціалистической. Вотъ почему мы говоримъ, что сознательные рабочіе не могутъ не быть соціалистами. Потому только мы стоимъ за самодѣятельность рабочихъ и исходя изъ этого мы возлагаемъ всѣ свои надежды на *пролетарскую* интеллигенцію. Повторяемъ, отдѣльная личность изъ буржуазіи можетъ не только стать *на точку зрѣнія* пролетаріата, но стать даже дѣйствительнымъ борцомъ за интересы рабочаго класса, но это немыслимо для *всей* буржуазіи, отдѣльный пролетарій можетъ измѣнить своему классу, но это невозможно для *всего* пролетаріата.

Партія пролетаріата съ радостью встрѣчаетъ всѣхъ своихъ друзей, кто бы они не были и откуда бы они

не пришли, лишь на одномъ непремѣнномъ условіи, — окончательно порвать съ своими буржуазными привычками и предразсудками и предаться душою его революціонному дѣлу; но мы убѣждены, что дѣятельность такихъ элементовъ, которыхъ нѣмцы называютъ «академиками», будетъ только тогда полезна и плодотворна для пролетаріата, когда во главѣ послѣдняго будутъ стоять сами же пролетаріи.

Долгъ русской рабочей интеллигенціи создать свою *рабочую* партію. Но созданіе такой партіи при нашихъ мерзкихъ политическихъ условіяхъ въ высшей степени трудная задача. Нуженъ долгій кропотливый трудъ и еще больше необходимы неустанная энергія и вѣра въ свое дѣло, чтобы въ концѣ концовъ достойно ее разрѣшить.

Рабочая партія появится у насъ только тогда, когда широкіе слои рабочей массы поймутъ ея необходимость. Но скорость приближенія этого момента находится въ прямой зависимости отъ вліянія, которое будетъ имѣть рабочая интеллигенція на рабочія массы. Поэтому ихъ обязанность — быть какъ можно ближе къ этимъ послѣднимъ, не чуждаться ихъ повседневной борьбы, и во всѣхъ случаяхъ столкновенія рабочихъ съ мастеромъ ли, фабрикантомъ или полиціей, какъ бы сами по себѣ мелочны не были причины, вызвавшія эти столкновенія, она, рабочая интеллигенція должна находиться въ первыхъ рядахъ борющихся и протестующихъ массъ.

Рабочая интеллигенція должна использовывать всякое средство для организаціи рабочихъ массъ, а потому не слѣдуетъ ей игнорировать и чуждаться вынужденныхъ у самодержавно-буржуазнаго правительства долголѣтней борьбой рабочаго класса реформъ въ рабочемъ законодательствѣ. Недавно изданный правительствомъ законъ о фабричныхъ старостахъ, ограниченный всякими полицейскими рогатками, все таки въ извѣстной степени санкціонируетъ представительство рабочихъ въ переговорахъ съ капиталистомъ, — и онъ долженъ насколько это возможно быть использованъ. Мы можетъ быть находимся наканунѣ изданія закона о легализаціи стачекъ и примитивныхъ рабочихъ организацій, если судить по запискѣ, составленной въ отдѣлѣ промышленности министерства

финансовъ и опубликованной «Освобожденіемъ». Изъ этой записки видно, что извѣстныя сферы правительства пришли наконецъ къ тому заключенію, что рабочія волненія, стачки, бунты и т. п. есть явленія вполнѣ логически вытекающія изъ существованія и развитія промышленности, что съ ними нужно считаться какъ со зломъ, обусловленнымъ естественнымъ ходомъ вещей, а если такъ, то разумно даже съ точки зрѣнія нашего глупаго правительства, *узаконить* то, что дѣлается ежедневно и ежечасно *вопреки* закону.

Въ одномъ мѣстѣ этой записки, между прочимъ говорится: «Циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за N⁰ 7587, прямо предписываетъ: безусловно запрещать всякія сходки рабочихъ, и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью заговора, стачки или забастовки». Несмотря на наличность запрещенія, рабочимъ все таки — полемизируетъ записка съ циркуляромъ полицейскаго министерства, — необходимо собираться вмѣстѣ, чтобы перетолковать о своихъ дѣлахъ, что они и дѣлаютъ, но дѣлаютъ это тайно, собираясь частью въ укромныхъ мѣстахъ самого промышленнаго заведенія, частью — на вольныхъ квартирахъ, частью — на открытомъ воздухѣ гдѣ нибудь въ лѣсу или полѣ, внѣ надзора. Сходки эти происходятъ въ ограниченномъ составѣ участвующихъ лицъ (ибо, конечно, далеко не всѣ рабочіе могутъ и желаютъ быть на нихъ), притомъ весьма часто при участіи совершенно нежелательныхъ неблагонадежныхъ элементовъ, преслѣдующихъ свои политическія цѣли, сбивающихъ рабочихъ съ правильнаго пути и наносящихъ этимъ большой и трудно поправимый вредъ. Почва для неблагомѣренной агитаціи создается уже по одному тому, что всѣ подобныя сборища происходятъ тайнымъ образомъ».

Итакъ, мы можемъ ждать, что въ недалекомъ будущемъ проектъ этотъ, весьма возможно, сдѣлается закономъ. Докладчики проекта надѣются проведеніемъ закона о свободѣ стачекъ и организацій взаимопомощи вырвать почву изъ подъ ногъ соціалистовъ. Но они ошибаются. Додумавшись до азбучной истины, что рабочія волненія не вызываются злоумышленниками и «зловредными зачинщиками», а самимъ развитіемъ промышленности, они все таки никогда не додумаются своими буржуазно-полицейскими головами до другой аксіомы, что рабочія массы по той же естественной необходимости сдѣлаются раньше или позже соціалистическими. Нужно надѣяться, что рабочая интеллигенція сумѣетъ всякую уступку своихъ враговъ использовать какъ для организаціи рабочаго класса такъ и пропаганды великихъ идеаловъ международнаго пролетаріата.

На ряду съ этимъ рабочая интеллигенція должна стремиться въ настоящее время къ тому, чтобы стать во главѣ существующихъ уже у насъ революціонныхъ организацій, объединить ихъ въ единое цѣлое, установить программу своей дѣятельности, связаться, гдѣ это предоставляется возможнымъ, съ крестьянствомъ, создать періодическую рабочую газету, которая распространялась бы въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ въ массахъ рабочаго класса какъ города такъ и деревни.

Вотъ что лежитъ на долгѣ и обязанности рабочей интеллигенціи.

И тогда мы будемъ вправѣ сказать, что у насъ существуетъ рабочая партія, тогда каждый соціалистъ сочтетъ своей обязанностью повиноваться рѣшеніямъ ея и только тогда программа, рѣшенія, резолюціи ея съѣздовъ будутъ программою, рѣшеніями и резолюціями рабочаго класса.

«Стряхнемъ же, товарищи, съ себя неподвижность. Дѣло наше большое и застоя не выноситъ. Каждый потерянный день много значитъ. Пора намъ, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло!»

Поступили въ продажу слѣдующіе портреты и картины:

«Галлерея „Жизни“»

1. *Л. Н. Толстой на берегу моря.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
2. *Соціалдемократія и самодержавіе* (большой форматъ). Цѣна: 10 коп., 20 сант., 20 пф.
3. *Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
4. *Матильда Хиффельдъ на Кирхеймболяндской баррикадѣ.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
5. *Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
6. *Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
7. *Галлифэ по пути въ Версаль выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для растрѣла.* Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф.
8. *Месть версальцевъ.* Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф.
9. *Жертвамъ революціи.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
10. *Смерть ссыльной.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
11. *Взятіе Бастиліи.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
12. *Ткачи разрушаютъ машины.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
13. *Голодный тифъ у силезскихъ ткачей.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
14. *Свобода ведетъ народъ.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
15. *Генеральные Штаты.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
16. *Камиллъ Демуленъ въ Палэ-Роялѣ.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
17. *Стачка углекоповъ.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.
18. *По пути въ Сибирь.* Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф.

Поступила въ продажу брошюра

В. А. ПОССЕ:

„ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ И РАБОЧІЙ НАРОДЪ“

съ приложеніемъ обращенія Л. Н. Толстого

«Къ рабочему народу»

Цѣна 50 сант.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

«Библіотека Русскаго Пролетарія»

№ 1. *«Пѣсни Жизни»*, цѣна 15 коп. 40 сант.
№ 2. *«Международные Соціалистическіе Конгрессы»*. Цѣна 30 к., 80 с.
№ 3. П. Свободинъ. *«Бунтуютъ»*, разсказъ. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 4. Г. Куклинъ. *«Нѣсколько словъ о празднованіи 200-лѣтія русской печати»*, цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 5. *«Программы „Жизни“, „Искры“ и „Зари“, съ приложеніемъ отзывовъ о нихъ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 6. *«Старая и новая программы „Рабочаго Дѣла“»*. Цѣна 8 к., 20 с.
№ 7. *«Программа и объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда“»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 8. А. Арну. *«Мертвецы коммуны»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 9. *«Программа „Рабочаго Знамени“»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 10. *«Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи (1898 г.)»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 11. Софья Бардина. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 12. Петръ Алексѣевъ. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 13. М. Е. Салтыковъ. *«Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 14. *«Изъ программныхъ статей „Земли и Воли“»*. 3 коп., 10 сант.
№ 15. К. Марксъ. *«Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 16. І. Ф. Беккеръ. *«Манифестъ къ земледѣльческому населенію»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 17. *«Сборникъ программъ и программныхъ статей „Народной Воли“»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 18. *«Изъ программныхъ статей „Чернаго Передѣла“»*. Цѣна 15 к. 40 сант.
№ 19. Ж. Гэдъ. *«Коллективизмъ»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 20. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. *«Манифестъ коммунистической партіи»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 21. В. Поссе. *«Всеобщія стачки»*. Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 22. В. Либкнехтъ. *«Отъ обороны къ нападенію»*. Цѣна 30 к., 80 с.
№ 23. *«Обыскъ, тюрьма и ссылка»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 24. Г. А. Куклинъ. *«Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за сорокъ лѣтъ (1862-1902 гг.)»*. Цѣна 3 руб. 20 коп., 8 фр.
№ 25. П. Лафаргъ. *«Право на лѣность»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 27. К. Марксъ. *«Гражданская война во Франціи (1870-1871 г.)»* Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 28. И. С. Мышкинъ. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 29. Ф. Лассаль. *«Гласный отвѣтъ центральному комитету»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 30. А. Д. Михайловъ. *«Воспоминанія»*. 30 коп., 80 сант.
№ 31. П. Лафаргъ. *«Религія Капитала»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.

№ 32. *«Революціонныя пѣсни».* Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 33. Ф. Лассаль. *«О сущности конституціи».* Цѣна 15 к., 40 с.
№ 34. В. Либкнехтъ. *«Рѣчь о налогахъ».* Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 35. К. Каутскій. *«Классовые интересы».* Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 36. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?»* Выпускъ первый: 1) Названіе партіи, 2) Построеніе программы. Цѣна 30 коп., 80 сант.
№ 37. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?»* Выпускъ второй: Теоретическая часть программы. Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 40. Е. Анзель. *«Кооперація и соціализмъ.»* Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 41. Г. А. Куклинъ. *«Идеи „Жизни“».* Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 42. М. Бѣлоруссъ. *«Рабочіе и Интеллигенція.»* Цѣна 30 к., 80 с

«Галлерея Русскихъ Революціонеровъ»

1) Александръ Васильевичъ Долгушинъ.
2) Дмитрій Михайловичъ Рогачовъ.
3) Ипполитъ Степановичъ Мышкинъ.
4) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.
5) Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.
6) Петръ Филипповичъ Якубовичъ.
7) Людмила Александровна Волкенштейнъ
8) Вѣра Николаевна Фигнеръ.
9) Софія Львовна Перовская.
10) Левъ Григорьевичъ Дейчъ.

Цѣна портрета на толстой бумагѣ 25 сант.; на тонкой 15 сант

«Галлерея Нѣмецкихъ Революціонеровъ»

1) Августъ Бебель.
2) Вильгельмъ Либкнехтъ.
3) Юліусъ Моттелеръ.

Цѣна каждаго портрета 10 сант.

Печатаются слѣдующія изданія „Библіотеки русск. пролетарія“:

№ 26. А. Бебель. *«Женщина и соціализмъ».*
№ 38. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ.»* Выпускъ третій.
№ 39. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ.»* Выпускъ четвертый.

По всѣмъ дѣламъ, касающимся *«Библіотеки»* и *«Галлереи»*, слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю по адресу:

G. Koukline, 15, rue de Candolle, Genève (Suisse).